

АКТ

разглядывание слов

разглядыванье слов настолько ни к чему

что при неярком свете бытовухи

я радуюсь любой неграмотной старухе

как долгожданному письму

любому чтению, губами шевеля

и вслух и босиком и в мареве белесом

когда лежит за типографским лесом

неразграфленая прекрасная земля

усвоенная с голоса, живьем

земля молитвы полувнятной

но Свиток Мира ясен, допечатный

в деснице ангела на фоне золотом

Четырнадцатый номер АКТа подвел черту под изданием газетного формата – отныне АКТ предстает в новом качестве: он стал журналом. Не только публикация стихотворных текстов, но и материалы по истории новейшей литературы, и аналитические заметки – всё это будет представлено на страницах обновленного АКТа. Неизменным остается любопытство составителей к новейшим течениям в русской поэзии и литературным судьбам поэтов нового времени. АКТ настаивает на праве считать опубликованное на своих страницах наиболее актуальным в современной поэзии, будь то первая публикация Дмитрия Обрядина или стихотворные циклы таких поэтов, как Виктор Кривулин, Виктор Ширали, Александр Морев, письма Константина Кузьминского.

Отныне АКТ будет знакомить читателей с работами фотографов и художников, так или иначе связанных с литературой. В этом номере помещён снимок Владимира Брылякова, сделанный им в 1989 году при подготовке к печати сборника стихов Виктора Кривулина «Обращение», а Александр Аксинин, выдающийся художник-график, представлен офортом «Вавилонская башня будет построена». К творчеству Аксинина Кривулин проявлял живейший интерес и в начале восьмидесятых с его участием было проведено несколько «квартирных» выставок художника в Ленинграде и Москве. Александр Аксинин являлся как бы связующим звеном между прибалтийскими и московскими концептуалистами. Безусловно, он оказал определенное влияние на формирование поэтики позднего Кривулина.

и слово, найденное Там, где
хор собак, звучащий здесь,
звучит сейчас.
открывается ветром серебрится
след дыхания на стекле
невозможном молчания
стев нет
стекло молчания пред-
взятое разделяет свет и тьму
взять стеклышко в руку
что-нибудь заставит сжать
пальцы – какой-нибудь

нарек...
какое-нибудь ненайденное Там
слово...

Там хор собак, кото
рый здесь звучит сейчас
молчанием;

.....

.....
характерное световое решение
пустого фрагмента, который
как фрагмент подобен
точке, в которой равно све
та и тьмы, но в которой
ч нет
свет выходит и
входит тьма, то есть время фрагме
нта одноразовое

.....

.....
мне сделает ветер аппорт.
посмотрю, что принесет. м. б.,
сигаретный сплин. м. б.,

популярное преступление:
уходить из объятий слухом,
голосом, но не зреньем

м. б., я – тихое слащавое
неправое, переносящее ласку
спокойно, но с симптомами

ороговения движений, преж
девременное 11 утра и ветре

ное мерси за взгляд...

.....

.....
Там соединение хора с молча
нием одновременных обра
зующих пространство взгляда

в Пространстве взгляда точка
смерти неопределенна нет неопределенная и
неопределимая ни молчанием,
ни хором
живых собак. меняя дис
курс на дискурс, считая
собак всех и считая мертвых ворон, забы
ваешь молчание и хор
живых; предопределяя
звучание, улыбаешься: разла
гается Название Взгляда
в Пространстве соединения
параллельностей прошлого и
будущего;
течет слюна

.....

Странно ехать подшафе в грузовой машине.
Страшно ехать по шоссе в грозовую ночь.
По обочинам бегут случаи из жизни:
Ратца, Чагодица, Кихть, Воя, Вондожь, Вочь.

Ни таланта, ни ума, – Ёмба, Индоманка.
Пельшма, Андога, Мегра, – из последних сил!
Я убогий инвалид, житель интерната.
Я боюсь твоих молитв, преподобный Нил.

Где-то блещет в тростнике мелкий Мареотис.
Вон пещеры и скиты в скалах и песках.
Вкруг оазиса сидит скорченный народец –
тут в склерозе и в тоске дух его иссяк.

Лесопилка в лопухах, тёса серый штабель.
Чья-то банька заросла выше двери в сныть.
Удит рыбу на мостках житель-нестяжатель.
Ковжа, Колонга, Кулай, Шола, Юза, Сить.

Пала молния в скирду посредине луга.
Шумный ливень пал стеной, зарево залил.
Малохольные в скиту плачут от испуга.
Пожалей их, успокой, преподобный Нил

Серёжа приехал с приветом
из дальних неведомых стран.
Андрюша поздравил с приездом
и съел угощение сам.

Но мне сам Серёжа неведом,
равно как Андрюша далёк,
и я оставался эстетом,
которому всё невдомёк.

Похоже, я с детства болтался,
всему человечеству чужд,
в прозрачном кристалле пространства
вдали от количества душ.

И вот эти грустные мысли,
да бедные игры ума.
Одни только буквы и числа,
да некоторые имена.

Я смотрю на небо – там теорема Пенроуза.
От ночного чуть ветерка шелестит берёза,
выделяясь узорчатым силуэтом на бледном фоне.
Не стемнело ещё, да и вряд ли совсем стемнеет.
Тем не менее, кроме тьмы, как будто и тем нет
для раздумий и наблюдений в летнем поле.

Гравитация плюс квантовые эффекты,
две или три константы (среди них – скорость света), –
«всё премудростью сотворил», повсюду логика...
Выделяясь на гладком фоне лёгким трепетом,
куст сирени робко противится её требованиям...
Но смотрю на небо – а там теорема Хоккинга.

Медленно грузная цепь облаков
тянется в небо из-за сарая –
стадо коров, запряжённых зарёю,
стадо коров, ой ты стадо коров!

С длинным бичом позади возникая,
едет бельё полоскать Навская.
Сотня голов, ой, две сотни рогов,
ваша пастушка состарилась с вами,
ваша старушка поссорилась с нами.
Тяжко бредут, свесив полное вымя,
дождик цедя на просторы лугов.

Был ей жених, да давно был таков.

Что я, дурак, обо всём этом знаю?

НАСЕКОМОЕ-СТИХ.

Улитки, бабочки, колесики часов,
Сухие листья, свернутые в трубочки,
Булавки, мусор, гирьки от весов,
Фарфоровый сатир дудит на дудочке,

Крючки, бумажки, стеклышки, коробочки,
Жучки, мембраны радужных стрекоз,
Розетки раковин, тельца медовых ос,
Серебряный кувшин, сучки, веревочки,

Цветочки, строчки, крылышки, козявочки,
Иголки, паутинки, паучки,
Рассыпанные кнопки, ножки, палочки –
Иван Иванович Тэрц, надев очки,

Рассматривал, склонившись над столом.
Но вот он выбрал сливовую косточку,
Обулся и пошел за молоком,
Бамбуковую взяв подмышку тросточку.

Была весна. Был ужас и кошмар...
Я умирал от нежности и пыла...
На площади в полнеба цвел каштан.
От этого еще больше было.

Был март, апрель... Был май. Потом – июнь...
За ним – июль... Была тоска и горечь.
Сворачивался мозг в спиральный нуль, как выюн...
Был летний полдень... утро, вечер, полночь...

Был дождь. Была жара. Была печаль...
...Сворачивался и стремился в небо!
Какие слезы лились на топчан!...
Отчаянье какое! Сколько пепла!...

...Июнь. За ним – июль... Была не жизнь! –
Мираж безумный с роковым сюжетом!...
Абсурдное перетеканье жиж
В больном мозгу, трепещущем, как жертва.

Июнь... Река времен влекла топляк,
Урча на перекатах, и впадая
В жизнехранилище... На тополях
Был белый пух: он опадал, «подтаяв».

Июль... За ним был август-янычар.
Желвак самоубийства каждый день я
Нащупывал в груди, а по ночам
В парадниках таились привиденья.

Июль. За ним был август... Был сентябрь.
Мерцал фонарь. Луна была соблазном...
Душа моя запуталась в сетях,
И я метался в панике по плацу.

Мне больно было. Я терял ключи...
Но не было ответов и решений.
Печаль была, но не было причин...
Была война теней и отражений.

Был август... Было чувство беглеца,
И ощущение крадущейся смерти.
Была тоска; ей не было конца...
Была дыра в груди и камни в сердце.

Был август. Был сентябрь... октябрь, ноябрь...
Сменялись дни с неторопливым спехом...
И все усиливалась боль моя,
Пока не разрешилась первым снегом.

Все чего-нибудь зачем
вроде как вода в стакане
в банке баче шланге кране
с таким фигом черти с чем
все чего-нибудь зачем
да на кой твоя персона
вором вороном вороной
не понявшей что почему
все чего-нибудь почему
задарма слова на ветер
скрып пружин
петель ли петель
жизнь жестянка
кол колом
все чего-нибудь почему
впрочем прочими не станешь
выйдешь выпадешь отстанешь
с пылью прахом кирпичом
все чего-нибудь почему
чем еще тебе гордиться
забуриться завалиться
в щель промежуточную столицы
догадал меня родиться
тот который не причем
все чего-нибудь почему
только денежки не хватает
да такой тоской охватит
черта ль в том зачем почему

в этой смеси жизнесмерти
в этом месиве судеб
как тебя еще завертит
закатает тот кто хлеб
замесил из легкой глины
докембрийской голубой
и безвольный слабый иный
ты не властвуешь собой
и по ниточке словесной
опускаешься с небес
ближе ниже бестелесней
в звук преображенный весь
и на белых страницы
черным припорохом слов
так легко теперь ложится
жизни лепет и улов

и колбасит и глючит и плющит
и морозит и дрючит и лушит
и сжимает душу в комок
мрак – велик, человек – одинок
в ноябре серобрысом сыром
ты себя ощущаешь горбом
или холмиком плоти живой
над своей же болящей душой
ей же ей ай-я-я-й ой-ё- ёйййй
слух замкни и не слушай ты вой
кто ж там мутит так шутит с тобой
на пустом пустыре на кладбище
ветер что ли так жалобно свищет
или дудка в груди твоей врёт
оду к радости жалости йод
ты не бойся чего там живи
день за днём через зубы цеди
сквозь дыхание с посвистом свистом
в петербургском нетрезвом иглистом
неживом неродном ножевом
живопырном немирном парном
цельнокроенном воздухе жизни
вечной родины млечной отчизны

Вода хранит тайны, трава смиренна,
но поднимается с новым дождем,
и там, где недавно мы были, она уже по колено,
и по пояс там, куда мы идем,

детям легко заблудится в этих полях,
за которыми пропасть, но на самом краю
земляника, малина, рябина, прочая благодать,
и человек, чья работа – ждать

когда мы придем к началу другого пути
до самого неба, где всякому свой черед
разбегаться, прыгать, руками воздух грести...

СМОЛЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Жгут на кострах
деревья,
сгнившие изнутри,
воет бензопила
словно мужа похоронила,
Вагинова не найти,
От Блока один
кленовый пенёк,
рабочие
поднимают упавшие кресты,
копают новые могилы,
над Кривулиным –
лишь цветы,
а дерева ещё нет...
Дерево растёт медленно
даже если под ним поэт.

В белое небо, в голубые прозрачные окна,
пригоршнями, словно бросает ребенок песок – птичьи стаи,
мама зовет далеко, голос теряется, глохнет,
мальчик пустые гильзы в лесу собирает...

Открыли сезон охоты – стреляют в лето,
в птиц на лету, и листья, и перья цветные подругам дарят,
а красные паучки всё ждут попутного ветра,
а гильзы стоят на столе – пахнут гарью.

Вот и вышел осенний охотник
по траве сухой словно порох,
в колее – серебро его пули,
надо мною – его свинец...

Он вдоль поля большой вороной
пробирается, чавкая глиной,
и садятся на ватник черный
лопуховые ёжики, пух иван-чая,
паучки на серебряных нитях
словно капли живой еще крови
голубого холодного неба,
когда он в облака стреляет.

Наше вино ещё не стало уксусом
и кофе не потерял запаха,
мы ещё зайдём в маленькое кафе
в самом конце улицы,

где кошка на окне намывает гостей,
потягивается, на солнце жмурится,
а завтра ещё далеко –
в самом конце улицы.

теперь я девочка с цветами
девочка с цветами куда лучше девочки без цветов
у меня в руках большой разноцветный букет
я не стану никому его дарить
я девочка с цветами

самосовершенствование по-девичьи

1

сяду на хлеб и воду
переборю природу
чтоб 90 60 90
42 размер
брошу ругаться матом
курить и торчать по хатам
для мужика стану сносной
положительной как пионер

2

куплю себе шпильки шляпку
с каждым кто хочет лягу
особенно если московский
или окончил ВУЗ
всё теперь очень просто
90 60 90
быстрее если хочешь знакомства
а то перекроют Неву

3

ты с той стороны я с этой
смотрю на тебя поэтом
милый знаешь цену буханке?
2100 ккал. Так через подсчёт
я стала совсем другая
худая желанная краля.
Придерживай мне панамку
оргазмом лицо печёт

разула глаза
смотрю на тебя босиком
и как только ты
умудрился меня обуть?

предположения:

в лучшем случае
если каждая моя подружка выйдет замуж
у меня будет в два раза больше друзей
если каждая моя подружка выйдя замуж
родит ребёночка
у меня будет в три раза больше друзей

в худшем случае
я стану крёстной мамой
феей приходящей в праздник
со звенящими подарками
вся в серпантине блёстках и духах
говорящая угу угу как подросла наша детка

в самом худшем случае
я выйду замуж рожу ребёночка
и мы с моими подружками
будем дружить семьями
собираться на пикники
гулять с колясками в парке
гулять по выходным в магазин
обсуждать преимущества грудного вскармливания
преимущества постоянного полового партнёра
правильное питание низкокалорийные тортики
ох уж эта свободная любовь с её заморочками
обсуждать кивать краснеть смеяться в кулачки
мы с моими подружками
станем близки друг другу как никогда

в самом лучшем случае
я поеду на море
займусь подводной съёмкой всяких чудовищ

Улыбка застряла в седой
бороде
Словно капуста из щей
Борода не ахти
Да и щи жидковаты
Ах как хочется
пива
и счастья

Маленькая узкая бутылка из-под пива
Такая узкая
что и каракатица не пролезет
Такая пустая
что даже если очень захотеть
все равно в ней ничего не увидишь
даже каракатиц

Стройные ноги бутылок
в ларьках
Жизнь опять не сложилась
Загляделся на шелест подола
Зазевался
А тут еще банки пивные
Под ногами
И пробки
Тоже от пива
И улыбки

Славная песня о гранёном стакане

Славно в бирюльки играть
Славно
Но жажда томит
Где ты гранёная кружка
Полная пива и пены
Славно баклуши бить
Славно
Но жажда
Где ты гранёный стакан
Полный портвейна и слов
Славно плевать в потолок
Славно
Но
Где ты гранёная стопка
Полная водки и слёз

Светает
Белый флаг зимы
Еще не тронут грязью пешехода
На тонком льду расселись утки
Боязливо
Сворачивает за угол шаланда
Груженная заиндевевшим щебнем
Бутылка из-под пива сиротливо
Стоит на парапете
От мороза синеют губы в розовой помаде

Золотая урна с прахом
Дня
С плевками поколений
Поцарапана бутылкой
Зря разбили
Все же пиво
В ярком отблеске заката
Подхожу с надеждой
Может
Кто-то выбросил газету

Дмитрию Северюхину

Вот бывает, то да се...
Глянь в окошко – там Басе
держит чашечку в руке,
пьет из чашечки sake.
Рядом с ним стоит босяк,
на лице его синяк,
держит чашечку в руке,
пьет из чашечки sake.
И босячка рядом с ними
в сигаретном тонет дыме,
держит чашечку в руке,
пьет из чашечки sake.
Пышно сакура цветет,
самурай домой идет,
держит чашечку в руке,
пьет из чашечки sake.

Один загадочный субъект
идет на Чкаловский проспект
в приемный пункт сдавать бутылки,
где синеглазок и бомжей
на фоне мрачных гаражей
торчат немые затылки.

На Пионерской жил поэт,
в живых поэта больше нет,
но благодарные потомки
его прижизненный маршрут
за тенью призрака пройдут,
неся как крест свои котомки.

Мне все равно, какой сегодня день,
какая тень ложится на плетень,
какое небо серое над нами,
мне все равно, что там за облаками.

Мне все равно, откуда и куда
проходят мимо месяцы, года...
И маятник часов качается над нами
так высоко, как свет за облаками.

Вечереет, полусонный,
оглушенный тишиной,
в легкий сумрак погруженный
Петербург замороженный
проплывает над Невой.

Белой ночи наважденье,
разведенные мосты,
и предчувствия, сомненья,
и церковные строенья,
колокольни и кресты.

Шпили, портики, фасады,
ущербленная луна,
и решетки, и ограды,
и друиды, и дриады,
белой ночи пелена.

темнота чернеет густо
киснет в подполе капуста
сохнут чуни на печи

половик петляет длинный
узкий месяц серповидный
растворяется в ночи

толстый увалень спросонья
долго возится тихоня
и крадётся голышом

в доме полные потёмки
у поломанной колонки
домовой гремит ведром

жёсткий снег окаменелый
льдистой коркой затверделой
под полозьями скрипит

всю постель ногами сгрудив
жаркий отрок чернокудрый
ухмыляется и спит

свернулись минутки в болотной зелёнке
за кем-то спешит загоревший ребёнок
зачерпнут из моря ночной Коктебель
летучий играет в крови алкоголь

закат выбирает ряды аллегорий
прибой достигает скалистых предгорий
измятый как ворох подмокших бумаг
сырой разбухает во тьме Кара-Даг

у дога до крови прокусано ухо
в пыли золотой почитет Лисья бухта
без плавок плывёт меж камней кришнаит
в палатке у моря художник лежит

со всеми она играет
смотрит спокойно, невинно
спокойно смотрит, не видно
забавам конца и края

её научили в детстве
раскладывать жизнь на карты
всю жизнь раскладывать карты
со всеми мастями вместе

картинки в её колоде
такие плохие вроде
чужими тузами бьются
тасуются и сдаются

подол задирая платяиц
на спор дураков и пьяниц
снимай, послунявив палец
кичовой рубашки глянец

показывай фокус-покер
все дамы и сбоку джокер
завистливый шёпот в спину
ах, ведьма ты, — Акулина

ТЕЛЕФОННАЯ КНИЖКА ВЛЮБЛЁННОГО ЮНОШИ

А
Александр любил Елену.

Б
Борис любил Елену.

В
Вольдемар любил Елену.

Г
Гришенька очень любил Елену.

Д
Джон из Занзибара любил Елену.

Е
Емельян проездом в Конотоп любил Елену.

Ё
Ёжи любил Елену по-польски.

Ж
Женя некоторое время любил Елену.

З
Зиновий любил Елену и любит сейчас.

И
Игорь любит Елену.

Й
Йог любил Елену по своему.

К
Коля любил Елену.
Костя любит Елену до сих пор.

Л
Лешка любит Елену.

М
Миша тоже любит Елену.

Н
Наташка говорит, что сильно любила Елену.
Наум утверждает, что любил Елену через день.

О
Олег любил Елену по четвергам.

П
Петр же любит Елену каждую пятницу.

Р
Рамзик в каждый свой приезд из Еревана
очень сильно любит Елену.

С
Стасик из Киева без ума от Елены.

Т
Толя очень страстно любит Елену.

У
Ульян полюбил Елену с первого взгляда.

Ф
Фаддей нашел Елену прекрасной.

Х
Хана всегда с радостью любит Елену.
Хаим помогает Хане любить Елену.

Ц
Царев по кличке Царь из двора Елены,
конечно, тоже любит ее.

Ч
Чудаков, другой дворовый парень, тоже ее любит.

Ш
Шалва-грузин немножко любил Елену.

Щ
Щенок мой тоже пытается полюбить Елену.

Э
Эдик, мой брат, полюбил Елену.

Ю
Юра, мой двоюродный брат, полюбил Елену.

Я
Я женюсь на Елене.

рок влага из блеска туч щедрых
из камня в роще
из штольни влага
упертый
тыльный прищур-зерна
в плену
исступленных лавин
обрушенная тысячами
невидимая лавина —
коростой колосьев каменных
ревущая арена —
и
соки
соки
слабых стен

тон
открытый
важен
гулкой знак остывшего клейма
выплеск изученного
доски
щеколда двери

дошел один
впереди неясным трещин
оставлен
в стальных зеркалах — так — холод
на тропе — зарниц — прорвется — ноябрь
седин дугой
под
далекими
сводами

тот роясь льется повелевая
алый песок-алфавит
в роскошь и глубину рельс
дробя ряд стальной на азарт
тот азарт
промасленных ряженных
быть провожающими
и карпов хвосты из конфликтов же
конфликты
вокзала
тележки
столбы-кипарисы

голос
он
словно пущен колесом на край
мерно оставляющим за собой цветы
эту далекую гремющую
гладкую синюю линию риска
на далекой
горе
и
невозможно
поручиться
за
ждушего

* * *

С мрачным лицом
выхожу из 22-го автобуса
и сталкиваюсь нос к носу
с Мишей Окунем.
По улыбке,
внезапно скользнувшей
по его
не менее мрачной
физиономии
понимаю:
«Окунь едет на блядки», —
и чувствую,
как мою угрюмую рожу
растягивает ответная
двусмысленная ухмылка.

* * *

в моем компьютере
конфликтуют:
программы
оборудование
новый антивирусник
со старым железом

да и во мне самом —
постоянные разборки:
русский с поляком
мутузят даргинца
принимая его за чеченца
француз
чистит морду немцу
немец
с начищенной мордой
грозит тумачами Французу

«слушайте, я понимаю —
время нынче такое:
без драки и дня не прожить» —
говорю я участникам схватки —
«но я — то
но я здесь причем?»

— бесполезно
драчунов не разнять

тогда я сладчайшим вином —
«изабеллой» —
стакан наполняю
и медленно-медленно пью

.....
постепенно
мордобитие гаснет
бои затухают

русский с поляком
подходят к даргинцу
как друзья
по плечам его треплют:
«да кто сказал тебе
что ты чеченец?
ты на него
ни капли не похож!»

а немец с французом
вкусив «изабеллы»
целуются самозабвенно

— ви-ви!
— я-я!
— я-я!
— ви-ви!

.....
вот так
порой заканчиваются
международные конфликты

смертельные бои
в моей крови
сменяются признаниями в любви

и чей-то голос —
там — внутри —
читает мантры

и с русско-даргинским
польско-французско-немецким
ужасным акцентом
кто-то поет и поет:
«так славься в веках
«изабелла»!

Человек умирает,
когда устаёт бороться со смертью.
Погибает облако, устав держать влагу,
проливается дождём на землю и деревья.
Погибает дерево, устав держать крону.
До этого оно долго сопротивлялось,
но с каждым годом
у него отсыхало по несколько веток,
и вот однажды не выдержали корни,
дерево потоком унесло в реку
и далее по реке в море.
Там шторм его совсем обломает
и выбросит на берег корягу.
На том же берегу рядом
будут умирать медузы, моллюски...
Они знали, что надвигается шторм,
но уже не было сил уйти в море...

Моя мама долго боролась со смертью,
месяцами не могла встать с постели,
потом вставала...
Всегда что-то делала, находила себе работу...
А в последнее время
она с трудом передвигалась,
но просила отвести её к морю –
подышать, посидеть у воды,
снять обувь, чтобы волна коснулась ног.
Потом она ослепла,
но научилась ориентироваться
в замкнутом пространстве дома и двора.
Наощупь спускалась по ступенькам,
вдоль стенки добиралась до дерева,
просила дать ей скамейку.
В хорошую погоду, когда не было дождя,
подолгу сидела под деревом.
Потом она могла ходить только по дому
и её выводили в солнечный день на крыльцо.
Жизненное пространство всё время сужалось
и, наконец, ограничилось
несколькими метрами от кровати до двери.
Как-то она упала
и сама уже не решалась
сделать даже эти несколько шагов.
Потом почти не вставала,
и последними её словами были: я устала.

функционер, играющий в рулетку,
старуха, ставящая другой старухе клизму,
чтобы очистить желудок
перед посещением поликлиники –
сюжеты для бытописателя...
а, в общем, жизнь бессюжетна,
что-то происходит,
кажется – само по себе,
без причинно-следственных связей:
взрывы, катастрофы, землетрясения...
и в этом хаосе –
человек – малая крупница,
чахлое растение,
спора которого заброшена
на разваливающуюся постройку...
и, собственно, чего ему там расти?
может случиться, что постройка
рухнет прежде,
чем растение пустит корни,
но тем не менее –
растёт...существует...
«кто упал – должен подняться,
встать и идти»...
так сказал ребёнок
трёх с половиной лет,
возможно, он это от кого-то услышал...

Кофе. Чашка за чашкой.
Между глотками не забыть сделать затяжку.
Слишком накурено. Включить вытяжку.
– Скажи честно, я ужасно выгляжу?

На скатерти пятна. Пивные, чайные.
В голове пусто. Мысли случайные.
Новые строки в старой тетрадке.
– Нет, что ты! Всё в порядке!..
2000

Мы просыпались и опять дышали,
Пускали кольца дыма в потолок.
Мы так бездумно жизни прожигали!
Но кто же знать тогда об этом мог?
2000

И вот движенье. Жизнь. Игра со смертью.
Страх. И обида. Кто тебе сказал
Что можно правила нарушить? Да и как
Ты их нарушишь если их не существует?!
Будь сразу всюду. Будь везде. Всегда.
Я буду рядом. Тенью. Пылью.
Дыханием тебе в затылок.
Неясным отблеском
На тёмных стёклах твоих очков.
Ты будешь вздрагивать от моего прикосновенья
И снова ждать его...
О! Ты ко мне привыкнешь!
Ты жить не сможешь без меня.
Хотя придётся. Со временем. Когда-нибудь.
И на излёте, убелённый сединой,
Задумаешься ты: а только ли игрой
Всё это было...
И без ответа
Уснёшь останешься.
2000

К А. Ч.

20. Как сигарет в пачке.
Кажется жизнь впереди полностью.
Хочется распрощаться с молодостью
И быстрее начать дикие скачки.

Да... В 20 за это никто не осудит.
А жизнь она не даётся дважды.
Пройдёт время. Я проснусь однажды.
Закурю сигарету. А тебя не будет.
2000

Вся моя жизнь: кофе, сны, сигареты.
Раздумья о том, чего я стою.
Водка, когда я не знаю где ты.
Стихи, когда ты рядом со мною.
2000

Как сладок дым последней сигареты,
Как холодна зима за окнами квартиры,
Как горько ощущение потери
Себя во времени и времени в себе.
2001

Летят в ведро написанные строчки,
Потраченные на них сигареты и ночи.
Не разобравшись ни в чём, я полюбил многоточия,
А жизнь уверенно ставит точки
2001

Иную книгу не перелистать...
И подступает жуть ночных окраин,
Где шастает веселый Ванька Каин —
Он время поворачивает вспять.

Сквозь беспробудное пространство пустыря,
Который всюду — сверху, слева, справа, —
Моя зодиакальная шалава
Плывет, фальшивым яхонтом горя
1998-99

Верлен

Когда с гонорком импотента
Входил он в подвальчики Зла,
Зеленая фея Абсента
Парнишку за яйца брала.

И, вздрогнув от сладостной муки,
Сдвигал он рюмашку на край
И слышал чудесные звуки,
И брел по дороженьке в рай.
2001

Из окна

К полудню снег засыпал все, что мог,
И начал вяло превращаться в кашу.
И вечер подкатился, как пролог,
того, что будет ночь моя — не ваша.

Ее провижу поминутно, наперед.
Течет проспект томительно и жутко,
Да от ментов с бульвара когти рвет
Ленок — минетчица и проститутка.

Давай, на все педали жми, сестра!
И глядя на нее, мне так отрадно,
Что быстронога, на язык остра,
Что знает код замка моей парадной...
2000

В квартале между свалкой и прудом,
Где у воды храпит навечно пьяный,
Притонами где славен каждый дом,
А поутру выходит из тумана
Шальная Маша Русская Краса,
Где пьется все в любое время года,
А по ночам с похмелья чудеса —
Там я стою средь моего народа.
2003

Чего-то не хватает... Как давно
Меня уже не посылали матом,
Не перла внутрь почасовым накатом
Субстанция, на вкус и цвет — говно.

Когда-нибудь загробное кино
Меня прокрутит: школьником, солдатом,
Потом поэтом... И покроет матом
Алкаш Серега, сгинувший давно.
2003

небо пишет с буквы строчной
черновик воды проточной
без тире без запятых

нитью дождика навеки
пришивая к небу реки
поводырь ведет слепых

белой ниткой шьется дело
зашивают душу в тело
а душа потом болит

на мели играет рыба
мир тебя не помнит ибо
ты еще в утробе скрыт

не рожденный и невинный
погружаешься в пучины...
зришь запретные плоды

там в лакуне мироздания
ты как рыба без сознания
в пеленах живой воды...

а когда отхлынут воды
бедный баловень природы
выйдешь вон увидишь свет
черновик воды проточной
тополиный пух молочный
неба выцветший скелет...

с изнанки воздуха сплошные узелки
на память, ангелом завязанные... в спешке,
поди, упомни все, смотря из-под руки
на озеро, где ходят рыбаки
и, ставя сети, поправляют вешки

и озеро, и рыба, и рыбак,
и птицы в небесах, и куст болиголова —
все связано... неравный брак
соединяет всех, и рыб косяк
уходит в глубину искать наживку слова...

с изнанки воздуха сплошные узелки
рыбак, который вяжет сети
обвязывает воздуха куски,
ячеист воздух, и ему узки
ячейки слов и всех стихов на свете

ячеист воздух, глубока вода
являют ангелы с завидным постоянством
то рыбу, то запретного плода
соблазн, то засыпают города...
горячим пеплом из пространства

сплошные узелки с изнанки снов
развяжешь утром — вспомнишь, что приснилось...
но раз в году случится Божья милость —
распустишь узелки с изнанки с л о в
и вспомнишь все, что с нами приключилось...

... в могучей нищете...
о. мандельштам

меж прошлым заблудившись и грядущим,
и с тварью божьей чувствуя родство
из варева Бытья, из самой гущи,
нас выбрало не только Рождество,
но и Голгофы всенощное бдение ...

внутри пластов земли идут кристаллы в рост...

как весело трещат в печи поленья,
хотя в церквах сорокадневный пост...

хотя сорокадневный пост в церквах,
и постный воздух на корню пропах
солениями и квашеной капустой, —
под берегом очнулся краснотал,
грач крестиком тропинку наметал
к проталине, где верба мочки почек выпушила густо...

смертельный номер — кровное родство...
быть избранным достанет ли терпенья...
хотя душа и дух не знают тленья,
любовь моя, прости моё смятенье,
но, давеча, в минуту пробужденья

звук стал глухим, на четверть стало зренья,

во мне остыло жизни вещество...

ВОПРОС И ОТВЕТ

Вопрос:

Скажи, какой потребности в угоду
нам дан возвышенный и гордый разум,
по чьей вине излишество природы,
в порыве философского экстаза
нас повергает в горькую унылость,
и почему порой, скажи на милость,
должны мы пренебречь простым инстинктом...

Ответ:

....а потому, что каждая частица
растущего и зреющего мозга,
рожденная по ходу непрерывной,
упрямой эволюции природы,
и вызванная только лишь конкретной
потребностью простого выживания,
вступала неизбежно в диалоги
с другими, прежде бывшими частями,
извилинами, складками, узлами
растущего и зреющего мозга.

А это, безусловно, умножало
возможное число взаимодействий,
число контактов, связей между ними
во много раз – по номеру последней,
последней появившейся частицы
растущего и зреющего мозга

Так многократно усложнялся мозг,
его возможности безмерно умножались
всего лишь потому, что появлялась
какая-то ничтожная частица –
частица, отвечавшая, допустим,
за гибкость указательного пальца,
за ноту, порожденную гортанью,
или, к примеру, за нюанс малейший
в цветной палитре радужной сетчатки.

Так в миллионы, в миллиарды раз
росло число избыточных и лишних,
необязательных, и даже вредных связей –
не нужных с точки зрения проблемы
простого видового выживания.

**Так усложнение внутренней структуры
когда-то чистого и девственного мозга**

дало толчок абстрактным представлениям,
не связанным с практической заботой
о теле, о тепле и пропитании,
открыло выход изощренным формам
бесцельного и праздного искусства,
легло в основу самоуглубленья,
самосознания, веры, мистицизма,
нелепой грусти, тщетным рассуждениям
о смысле жизни, о душе, о Боге.

О Боге? Нет, скорей, – мечтам о смерти.
Мечтам о смерти – вот же в чем досада!

Так заповедь простого выживания,
предписанная радостной природой,
была нарушена развитием чрезмерным
бессильного, податливого мозга

Так математики простое уравнение
дает ответ на сложные вопросы.

Памяти Виктора Кривулина

В отсыревших ветках, в западаны кружев
что-то от обуглившихся книг.

...Чёрный март дымится, как дневник
о последних днях, И хлопья вьюжат.
И похожа жизнь на черновик...
ты послушай, как метель нас кружит,
с шёпота переходя на крик

Свет победный не сводится.
Нет тоски вождельней...
Как от искры, заводится
патефон довоенный.
Что-то давнее кружится.
Заиграли пластинку.
Но иголка не тупится, –
точно боль подсластили.
И мгновения тянутся
в безутешном настрое...
Что-то все же останется,
убиваться не стоит.
Но шалеет мелодия,
точно плач по младенцу...
Чтоб пропащая родина
резанула по сердцу.

*И на лете налёт фиолетовый...
Б. Пастернак*

Окончилось лето и дуб фиолетов,
и листья с него как укор фармацевтам...
Окончилось лето, и видим мы сами,
что ржавчина вровень пошла с небесами.
Окончилось лето и что же в итоге?
Затеplены свечи и вышли все сроки.
Затеplены свечи...Зачем же прельщаться, –
на таящий воск загадав, сокрушаться,
что всё, что прошло, без остатка сгорело,
а то, что настало, то тленом схватило...
И вот уже нет нас...Судьба проглядела.
Что хлад, обожгло нас, как лист закружило.
Окончилось лето. Давайте ж не будем
тот вздор вспоминать, что не стоит и помнить...
Но всё-таки, всё-таки...Что и забудем, –
как вдруг повторится... О, если б исполнить!..

Моё сиротство – нечто вроде
души, затерянной в природе.
Меня смущают светляки,
огни, идущие с реки.
И, может быть, на пароходе –
подкатит жёсткий ком тоски...

То ли жизни река, то ли книга
изреклась, обмелела, – хоть вброд...
Ни вино, ни игра, ни интрига,
ни слеза уже нас не берёт.

Поневолу захочешь отсрочки –
понизовий, дождей и тревог.
Пусть казнят нас бездарные строчки,
полной грудью вздохнуть бы я мог.
Дар не в долг промотать, – как поётся.
Догрешить, но уже без стыда.
Ну а там, коли горько придётся,
и пропащим прослыть – не беда.

одно радио

ни сказать ни исказить:
не было ни одного радио

только пальцы
бестрепетно трогали
клавиши и струны

да, нелепые пальцы
неумелые пальцы

были круглые плееры
вечера вокруг компакт-диска
гадание на нём, как на блюдечке

потому что не было ни одного радио

ну например, когда были тарелки
эти тарталетки музыки съедались незаметно
когда были громкоговорители
эти сосиски музыки из них торчали вермишелью
но не было ни одного радио

спорадические магнитофоны
шорох и шум на всех волнах
отдельные иностранные слова –
тогда тоже не было ни одного радио

вы скажете, что упоминание компакт-диска
выглядит анахронически
что когда их изобрели
радио уже давно было

нет, ничего подобного,
не было ни одного радио

а вместо компакт-дисков
были долгоиграющие пластинки, бобины, монеты,
брошенные музыкантам
или музыкальным автоматам,
и другие круглые предметы

смотрите, женщина вышивает подушечку
круглую подушечку
напевает песенку
романс о любви и измене

какой романс

мы действительно никогда не узнаем
потому что ещё не скоро изобретут прибор
способный извлекать звук из предметов,
которые не являются звуконосителями
в традиционном понимании

так что не было ни одного радио

да и сейчас в общем тоже нет

после просмотра фильма бойцовский клуб
наступает понимание
что всё это никогда не поможет –
групповые способы борьбы с собой
сродни групповому изнасилованию
или такому периоду жизни
когда увлекаешься какой-нибудь современной музыкой
не в силах разъять её на отдельные ноты

и – вот ещё что – если слова этих песен
неотъемлемы в мозгу от мелодии
фразы становится невозможно интонировать иначе
а следовательно и переосмыслить

по образу и подобию
такого отношения к искусству и действительности
построены группы
психологической взаимопомощи

фильм бойцовский клуб
я не сначала (или не до конца – не помню)
посмотрела по телевизору случайно
около года назад

может ещё какой-нибудь фильм посмотреть?
посоветуйте

Да ладно! – сказала листва в октябре,
Да так и осталась у нас на дворе
Играть в домино с рыжим дворником Федей
За столиком низким, где окна соседей,
Что смотрят во двор,
Где ведут разговор
Старушки две-три с голубями и сойкой,
Где пахнет распаренной солнцем помойкой,
Еще не отдавшей своих ароматов,
Своих овощных, известковых салатов,
Поблекших костей и очистков несвежих
И запахом столь на листву не похожих,
Что двое приезжих
Сцепились в прихожей
И гасят друг друга по выцветшим розам.
Да ладно! – сказала листва в октябре,
Да так и осталась на нашем дворе.

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬНИЦЕ

Еще на цифры погадай,
Круги от брошенного слова,
Считаешь, крепче листового
Их гранулированный чай?
Мой чай вскипел в наперстке дня,
В нем глаз и чисел выраженья,
Твоя таблица умноженья
И ты – в тетради у меня.

ВЕРЛИБР КВАДРАТНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

У нас помер первый зять
С белым билетом
Почки отказали
В 22 года.
«Мама, я его люблю!»
Ей 18, ему 19,
Хороший был парень, я плакала,
Я знала, что этим кончится.
Но новый-то лучше, понимаешь?
Внук будет, УЗИ показало.
Она и пенсию получает
До сих пор на его фамилию.

Есть голос птички-электрички,
Но не поем.
Пока в коробке дремлют спички,
И день сомнением напичкан,
Мы не живем.
На перекрестье тротуара,
Залитого зари вином,
Под струн троллейбусных гитары
Картавит голубь под окном.
А мы не ели и не пили,
Не просыпались, не дрались.
Ах, мы, наверно, и не жили,
А прямо в небо унеслись.

ХАРОН II

А я буду грести и грести
По ночным зачарованным водам
Пока смоль в деревянной горсти
Не заблещет случайной свободой:
Все равно, это сон или бред –
У меня ведь и этого нет.
Это лет только сон над водой
Занялся чередой, лебедой.
Это в клеть деревянной воды
Пропадают с размаху сады,
Чтобы снова, с другой стороны,
Из зеркальной вспорхнуть глубины.

К ДАРЬЕ

*Дашка рай моей души
Будет деться когда сдохну.
Виктор Ширали 2003*

Дашке скоро будет год
Когда сердится орёт
У меня ж наоборот
Умолкает
Не спеша
С возрастом
Моя душа.
1976

СТИХИ К ФОТОГРАФИИ

Благодарю Вас бывшая жена
Что несмотря на надобность аборта
Вот девочка что Вами рождена
Не от кого-нибудь
Хоть я никто и некто
Благодарю хотя и отошёл
На дальность
Дальнозоркость объектива
Я бы и с фотографии ушёл
Но годы прижимают
Нету силы
И я был прав
И ты была права
Но правота моя куда-то делась
Со временем
А девочка жива
И дай ей Бог
Чтоб счастливо ей пелось.
1989

В странном сюжете
Сегодня приснилась мне дочь
Будто мы пили
Хорошо не лежали в постели
Дарья сказал я пора уже к дому
На дворе уже ночь
Дарья ответила
Бокал пригубила:
Поспею
Что же мы пили?
Проснувшись сказал:
«Хванчкару»
Где же ты Грузия?
Где ты Отар?
Я увидеть тебя и не чаю
Что же в России нам пить
С похмела?
Путру?
Выпьём цейлонского
Английского чаю
Что же дочь Дарья
Поспеют твои женихи
Я посмотрю их
Ты выберешь
Перебирая
Пусть их
Отмаливают
Мои золотые стихи
Что же дочь Дарья
И ты
Золотая
Такая.
1993

И дочь свою
Любуюсь и винясь
За что
Есть право
Даже ежели не в праве
Я был на всё
Но вот ты родилась
И назвалась
Викторианку
Дарьею назвали
Дай Бог тебе
Чтоб именем моим
Окружена
И жизни в хороводе
Ограждена
Отчуждена
Чтоб нимб
Наших ангелов
Отводит
И отводит

Зло от тебя
Дай Бог и мне
Любуюсь
И винясь
Дай Бог тебе
Влюбляться и виниться.
1993

Подгребай моя дочь
К моим
Милым моему сердцу
Углам этого Города
Отдаю тебе свои связи
Свои заморочки
Не забывай моя дочь
Что мой дед
Твой прадед
Умер от голода в этом Городе
В этом Городе ты родилась
То есть в счастливой сорочке
То есть в смертельно счастливой
Он целует взасос
Его белые ночи
Как свечи
Вот уж пол века
Горят мне
Всё еще не сгорают
Как красиво сказать
Этот Город ночами занес
Но вернее сказать
Этот Город
И ты Дарья обо мне погорюют
Отдаю тебе Дарья
Этот Город
И эти углы
И людей на углах
Перспективы
Дворцы
Вертикали
И дворы
И дворы проходные во снах
Всё тебе отдаю
Даже баб
Что меня целовали.
1994

В ПАРИЖ

На краю мне известной земли
На пупу – это значит в Париже
Говорю: подвигайся поближе
Может быть и услышишь «люблю»
Я отец никакой
Говорит твоя мама
Что может быть верно
Моё семя в тебе говорит
И гуляет
Гулёна по венам
Ты наверно в Париже
Затем что я не был в нем
Я много где не был
Города сновиденьями ведал
Я во всех побывал
Где хотел.
2002

Дашка едет в Париж
У неё там жених
У меня там знакомых
Лишь Эйфеля башня
Дашка едет в Париж
И я окончательно стих
И меня не то чтоб в Европе
В Петербурге не слышно.
2002

Что тебе дочка Париж
Ну Нотр-Дам
Ну Сена
Тауэр вроде бы там же
Только через Ла-Манш
Впрочем я понимаю
Что сколь по Европе не прыгай
Родиной женщины
Всегда остаётся жених
Родина я говорю
Это мужское занятие

Впрочем и здесь не всё ясно
Век наш космополит
Так что натягивай шарик
Меридианное платье
Сделай пошире
Ежели где-то болит.
2002

Дашка это моя дочка
А Париж это Париж
Была семенем и почкой
Вот выходит замуж
Что ж
Пусть балдеют там в Париже
От российских наших дев
Хорошо б если б поближе
Впрочем
На «Конкорд» присев
Всего полчаса полёта
Над Парижем я опять
Дашка где ты?
Дашка что ты?
Что-то стал я умирать.
2002

Дашка рай моей души
Будет деться когда сдохну
На прощание иссохну
Хоть в гербарий положи
Буду с розою лежать
Дохлою но всё же алой
Подпитаю цвет кровавый
Тоже надо для души.
2003

**РОЖДЕСТВЕНКОЕ
ПОСЛАНИЕ В ПАРИЖ**

Париж в снегу
Аэропорты по шасси
Жена ждёт вылета
Но и у нас морозы
Всё как в Европе
Пробки на шоссе
Жена ждёт вылета
Может распогодит
Куда летит
Одной в своём доме
Куда как тошно
Хоть бросайся к мужу
Но разведена
Но здесь не по уму
А по сердцу
А сердце сводит
Тоской по матери
А та на небесах
То есть на Южном
И не одна а с мужем
А ты уж в возрасте
Чтоб нового искать
Дай Бог тебе
Может распогодит
Дай Бог тебе
Чтобы снега весь век
Уже недолгий твой
Чтобы шасси примерзли
К бетону
В Париже дочь
Твой тёплый человек
Пусть горести тебя
Больше не тронут
Не прилетай
Я как-нибудь пробьюсь
На свой погост
Может меня проводят
Не ты так дочь
А нет
Так перебуюсь
Лучше на Троицу
В берёзок хороводе
На свой погост
И девушки в цвету
Париж в снегу
И пробки на дорогах
Не прилетай
Я был с тобой
И был я на свету
И смерть меня от света
Не отводит.
2003

ВИКТОР ШИРАЛИ. ПОРТРЕТ НА ФОНЕ СМЕРТИ

Рассказывают (кто рассказывает? – он же и рассказывает), что однажды, заехав в Царское село, Виктор Ширали заглянул к одной из последних великих старух Серебряного века, – Татьяне Григорьевне Гнедич. Он почитал ей, из первых оценившей его талант, свои любовные – а какие еще? – стихи, а она неподражаемо: «Всё е... Виктор Гейдарович?». На что он ей: «Всё е..., Татьяна Григорьевна».

Сегодня нет уже Т.Г., да и многих уже нет, и вопрос, который можно было бы задать Ширали, прозвучал бы иначе: «Все умираете, В. Г.?». Впрочем, между занятием любовью (употребим здесь этот неуклюжий эвфемизм вместо точного слова, сказанного Гнедич) и «умиранием» не так уж много различий, чтобы сказать, что в лирике Ширали произошли кардинальные изменения.

И все же, и все же... Прожита большая литературная жизнь, прожита судьба... Хочется верить, что не до конца. Пока человек жив, нельзя подводить окончательные итоги. Но ведь сам поэт в своих последних стихах все время обращается к теме смерти. И это надо учитывать. Не будем уподобляться тем родственникам, которые, стоя у постели смертельно больного, бодренько говорят о чем угодно, кроме предстоящего ему и им. Это я опять же не к тому, что Ш. болен, что судьба его закончилась, и надо писать некролог. Мы все смертельно больны, все смертны. Надо смотреть правде в глаза. И поздняя лирика В. Ширали, – это лирика человека, который не отгоняет от себя мысль о смерти, но, я бы сказал, все время «имеет ее в виду». Это лирика на фоне смерти: *А под левым соском / Трепыхается ком / Мускулистый а все одражливый / И просит ли чего / И жалеть ли о ком / А просит то чего / Чтoб полече.*

Но отвлечемся пока от этого последнего периода в творчестве поэта и обратимся к тому времени, когда он писал стихи о любви и получал благословения от Т.Г.

Ширали один из немногих, продолжающий пушкинскую линию в русской поэзии. Очень рано он почувствовал себя, если не наследником, но, скажем так, живущим тем же духом. В чем же, собственно говоря, было это сходство? Разумеется, не в повторении пушкинских размеров, просодии и тем его стихов (хотя элементы этого можно обнаружить). На самом деле, наиболее «пушкинские» у Ширали как раз те стихи, в которых поэт совсем не следует пушкинской просодии, но просто живет духом Пушкина. Как он его понимает, можно обнаружить, например, в такой поэтической декларации: *Тебе же, милый, я говорю – / Не стоит гальванизировать / Канонические формы стихосложения... / Надо глубоко забыть, / Забить в себя мастерство, / Нажитое до нас, / А свое собственное / Творить сиюминутно.*

Декларация эта – из цикла «Искусство поэзии» (1970), в котором Ширали успешно скреждает Аполлинера с его свободным стихом и Пушкина с его внутренней свободой и гармонией. Циклу предпослан эпиграф из Аполлинера: *Я позабыл древнее искусство игры в поэзию – / Я просто люблю.*

Вот эта «просто любовь» и составляет суть поэзии Ширали. Так он понял Пушкина, «забывшего», «забывшего в себя» творчество поэтов, писавших до него, так он понял свой творческий метод.

Под любовь, конечно, не следует понимать исключительно любовь к женщине (хотя как же без нее?). Но свести все к ней было бы слишком тривиально. Любовь это, я бы сказал, то, в свете, точнее, в «про-свете» чего, происходит явление любимого. Последнее может в равной мере быть женщиной, псом, городом, снегом, просто лицами людей, случайно встреченных в метро или самим метро, как, например, вот в этих стихах: *По эскалатору метро взлетали лица, / И было каждое, как голубица, / Светло / и пронеслось мимо кратко, / Как будто запускал их снизу кто-то. / Люблю метро / За это, / А еще за то, что там / Одну тональность обретает гам, / А в поездах перерастает в гул, / И слов не разобрать, / И только губ / Движение пытаешься понять. / Все мы напоминаем там одну / Стремительно гудящую струну, / Отчаянно она напряжена, / И с низких «у-у...» взвизывает до «а-аа!» И гасится шипящими дверей. / И всё. / Дорога длится полчаса... / Всплываем на поверхность, / Тонем в ней, / Разъединяя наши голоса. (1968).*

В культурном отношении Ширали впитал в себя многое из эстетических увлечений своего времени – джаз, экзистенциальный, импрессионистический кинематограф, французскую свободную поэзию (Аполлинера и Сандра), Брейгеля, Дюрера, Матисса, Босха и Боттичелли... В архитектуре он более всего

любил барокко. Но какими бы «техниками» не увлекался Ширали, он все равно жил тем же самым духом Пушкина

Но что значило жить этим духом в конце XX века? Где-то Ширали сказал: *Поэзия – это попытка точности, / Пытка точностью.*

У Пушкина была школа «гармонической точности». В конце XX века «пытка точностью» звучит почти как пытка электрическим током. Быть точным в СССР «периода застоя» значило в этом умирающем, засыпающем и задыхающемся организме находить, «схватывать» и когтить бытие, или – обратная сторона медали – стать в такую точку, под такой ток, чтобы самому быть когтимым им. *К тридцати / Мы становимся. / И, похерив свое мастерство, / Вытворял, / Коновальничал / Над душой, / Отчизною, / Музой. / А она надо мной, / Проявляя свое естество, / Оставляя на теле / Открытые / Рваные / Розы.*

На это требовалось, если не мужество, то, по крайней мере, верность своему призванию. Сохранить эту верность было не так уж просто, если подумать.

Ширали никогда не был поэтом-диссидентом, он не был даже представителем андеграундной культуры. Ширали создавал себя в равной степени далеким от «общих мест» как официальной культуры, так и неофициальной (которой было суждено выплыть на поверхность в «перестройку»). Последняя отомстила ему, как и первая, – почти полным замалчиванием его имени.

Почти восемь лет с начала «перестройки» были для него периодом молчания. А потом что-то произошло, и в 1999 г. он издал новый сборник стихов: «Долгий плач Виктора Гейдаровича Ширали по Ларисе Олеговне Кузнецовой и прочие имперские страсти». Странное и необычное название для поэтического сборника.

Это оплакивание не только самоубившейся возлюбленной, но и родной земли, которая захотела стать Америкой, но так и не стала (ибо как одна земля может стать другой). Это плач о всей нашей блядской жизни, о всех нас. *И плачу я, / Пустырь видя повсюду / И сдох бы, / Сам себе дыханье прекратя / И вижу я, как вождь / Наград алкает всюду / И деву ждет бордель / И нежность похотя / Жена вдруг дарит мужу...*

Это «перевод» на современный русский сонета Шекспира. В «Долгом плаче...» мы находим «перевод» на тот же язык и библейских псалмов, и некоторых сюжетов Евангелия, что тоже не случайно. Поэтический голос вернулся к Ширали не просто с возвращением любви, но с появлением ее нового качества, когда из «просто любви» (пушкинско-аполлинеровского периода) она стала любовью-состраданием, жалостью. Пушкинское никуда не делось, но тесно переплелось с чем-то новым, в чем поэт, впрочем, даже не особенно склонен признаваться, чтобы не впасть в излишний пафос: *Далась мне моя Родина / Как всем арапчатым / Русскоязычным // ... Далась мне моя Родина / В размер Маркизовой / Суфлирует: / Не лужи – / Чаши чаши / Отмахивайось: / Тихе / Тихе тихе.*

Ну вот, а теперь мы можем вернуться к тому, с чего начали. Портрет поэта на фоне смерти. Оплакав свою любовь – женщину и Родину, поэт теперь сам встал перед лицом смерти. Последние стихи Ширали – почти все, как я уже сказал, – написаны «в виду смерти». Но и здесь оказывается, что смерти он предстоит не один, ибо стоять перед нею один на один – дело почти невозможное. Последние стихи Ширали можно было бы назвать: «Он, она и смерть». Их «сюжет» прост: поэт дает женщине (=жизни) побороться за «лирического героя», потягаться за него со смертью (смерть ведь тоже «женщина», только другая). *Неизвестный поэт / С неопрятной седою душою / Хочет смерти / И спорит об этом с женою / А она молода / И ещё седине не подвластна / Держит жизнь в кулаке / И поэта желанье не ясно / Ничего движет Когда жизнь обернется блевотой / Впрочем...Лучше бросить поэта / И найти помоложе кого-то.*

Казалось бы, поэт однозначно предпочитает женщине-смерть женщине-жизни, которую он даже как будто «прогоняет» – в жизнь. Но не дадим себя обмануть. «Лирический герой», который «хочет смерти», – это не сам поэт. Сам поэт – ни на стороне смерти, ни на стороне жизни. Он на стороне поэзии, слова, которое по ту сторону жизни и смерти, поскольку скажется и о том, и о другом.

На этом я бы хотел закончить свой «портрет поэта на фоне смерти». Пока смерть – только фон. Пока говорится слово, и еще не умерла поэзия.

* * *

бретон
наивный точно взгляд котенка

полумонголоид
щиколотки аристократа
странный ночной дух
земное тряпье

египет дал цивилизацию
парижу и нью-йорку

люди едут в метро
куда зачем

волга (ра)
течет из долины солнца (ра)

ура я понял
эллипс бывает
размером с континент

маленькая африка
маленькая европа
маленькая америка
большие глаза
моей семнадцатилетней дочки

31.01.2004

Есенинский бульвар

* * *

цапельки нила
капельки дождя
олово слова
лицо
мне интересно

девушка кричит на бой-френда
любит
не интересно

олеау
ау
а
у

30.01.2004

Есенинский бульвар

* * *

русская водка
шотландский виски
шведский стол
отель 5 *****
я стал обыкновенным буржуа

3.02.2004

*Египет***ДОЖДЬ В КАИРЕ**

меньше
больше
желтой
пыли

4.02.2004

Каир

* * *

гримасы улицы гримау
едины жертва и палач
не плачь я не люблю тебя

2.02.2004

*Есенинский бульвар***СТИХИ ПРО ЛЮДЕЙ**

* * *

Люди это люди.

* * *

Люди это не люди.

* * *

Люди это таксисты,
Везущие самих себя.

* * *

Люди это кроты,
Обожающие подземелье.

* * *

Люди это людоеды,
Смакующие человечину.

* * *

Люди это не люди.

* * *

При этом люди птички,
Чирикающие о любви.

* * *

Люди это грибы,
Как говорил композитор Курехин.
Белые (ложные),
Подберезовки (ложные),
Опята (ложные),
Лисички (ложные),
Поганки (и те ложные).

* * *

Мужчины это женщины.

* * *

Женщины это мужчины.

* * *

Люди это не люди.

* * *

Дети это не люди.

* * *

Старики это не люди.

* * *

Поэты это не люди.

* * *

Художники это не люди.

* * *

Музыканты это не люди.

* * *

Люди это люди.

* * *

А зачем живут люди?
Для денег.
А зачем любят?
Для денег.
А работают?
Для денег.
А зачем деньги?
Для денег.
А если не будет денег?
А Вы, что, шизофреник?

4.05.2003

Есенинский бульвар

* * *

развлечения:
есть
спать
писать
все остальное
работа

4.05.2003

Есенинский бульвар

* * *

не может быть
а может быть
не может
быть
а может
быть
ну что же
быть
или не быть
не может быть
а может быть

20.04.2002

Есенинский бульвар

* * *

Выезжая из пункта А в пункт В,
я иногда приезжал в пункт С
к себе самому.
В путешествии это, наверное, самое главное.

17.08.1999

Поезд Москва Тамбов

* * *

пытаюсь говорить с деревьями на даче
понимаю только те которые вырастил сам

23.11.2003

Чебоксары

* * *

бездомные бедные кошки зимой
что же мне с вами поделат

25.11.2003

Чебоксары

* * *

школьная доска
то что написано мелом
стирается влажной тряпкой

24.11.2003

Чебоксары

* * *

Я работаю отцом
и сыном.
Я работаю мужем
и любовником.
Я работаю начальником
и подчиненным.
Жизнь -
постоянная, тяжелая работа.
Но я не хочу в отпуск.

12.11.2000

Есенинский бульвар

* * *

познакомились по интернету
понравилась друг другу по интернету
трахнулись по интернету
поссорились по интернету
расстались по интернету

25.11.2003

Чебоксары

* * *

вой
на
война
а на?

7.05.2003

*Есенинский бульвар***МОСКВА**

жизнь под землей
а раньше я видел солнце

4.05.2003

*Есенинский бульвар***ОДИНОЧЕСТВО**

Вечер.
Мигает автоответчик.
Это я сам себе позвонил.

10.05.2003

Есенинский бульвар

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

ВИКТОР КРИВУЛИН (1944 – 2001)

Говорят, Виктор Кривулин стеснялся своих стихов 60-70х годов, тех, что знал наизусть каждый универсант этого разлива, предполагая, кажется, что обнаженность прямого лирического высказывания умаляет философскую ли, онтологическую ли значимость текста. Поэт – странная субстанция, он одновременно зависим от всех и от всего, и – свободен, или думает, что свободен, или хочет свободы, как хотят женщину, чтобы потом свободой этой тяготиться, а утеснение обременительных долженствований выдавать за волю провидения. То, что Кривулин – лирик невозможно оспорить даже ему. И если бы это не могло быть истолковано кем-то как обида, я сравнила бы его с известным чеховским персонажем, и каждый период творчества называла бы именем той женщины, которая была или адресатом лирики, или путеуказательницей. Тогда ранняя лирика называлась бы Машиной лирикой, ибо вся посвящена «Маше Ивашенцевой – театроведу», лирика середины 60-х – Ирочкиной лирикой и соотносить ее следовало бы с Ирочкой Якушкиной, потомницей декабриста Якушкина, девушкой с той степенью загадочности в лице, которой обладала в конце 60-х разве что Анук Эме, лирику конца 60-х – лирикой периода Элен Анри, тогда еще студентки-практикантки из Сорбонны в университетском, блоковском, семинаре, а ныне профессора-слависта, лирику начала 70-х – Аниной лирикой, сопрягая ее с образом Анечки Кацман-Кривулиной – первой жены поэта, лирику середины 70-х – Татьяниной лирикой, понимая, сколь трудна была человеческая и творческая задача поэта, связавшего свою судьбу с философом и, одновременно, представителем нового этапа русского религиозного обновленчества Татьяной Горичевой.

Стихи, публикуемые в АКТе, относятся к следующему периоду кривулинского творчества. Это было время нового жизненного опыта – семья, рождение сына, общественные страсти и докучное внимание властей. В каких-то главных параметрах обстоятельства наших жизней были подобны, быть может, этим и обусловлено посвящение и подношение, возможно, все намного, как это и бывает в жизни, проще – давней и взаимной дружбой объясняется этот царский жест. До сих пор стихи эти не были опубликованы, но глубина и несомненные литературные достоинства текстов побудили нас их напечатать.

Тамара Буковская

АЛЕКСАНДР МОРЕВ (1934 – 1979)

Он появился в поэзии сразу. Со своим, ни на кого не похожим голосом, так ярко прозвучавшим 17 февраля 1960 года на Первом городском турнире поэтов во Дворце культуры им. Горького. Прочитанные им стихи «Рыбий глаз» и «Есенистое» (а чтец он был великолепный) произвели неизгладимое впечатление на слушателей и вызвали суровый гнев литературных идеологов, обвинивших молодого автора в порнографии. Мореву запретили публичные выступления и посещение занятий литературного объединения «Нарвская застава», членом которого он являлся.

Морев не имеет предшественников. Его предшественник, его мерило – Пушкин. Он творчески продолжает его, развивая ритмически и интонационно русскую поэтику, всегда лиричную, всегда с повышенной температурой (градусом). Пушкин, Лермонтов... Есенин, Цветаева... Страсть и эмоциональность до запоя, до петли, до пули... Стихи – не упражнения в риторике, не холодные рассуждения по поводу, не бесстрастная фиксация чего угодно. Так не пишут, так не живут поэты. Проповедовать одно, а жить себе на уме – это не по-моревски. Поэты живут, как пишут. Пишут, как дышат. Поэтому Мандельштам – погиб в Гулаге, Цветаева – вернулась в Россию повеситься, Морев – сиганул в шахту на пересечении Шкиперки с Наличной.

Морев неподражаем как поэт – широка и гуманистична его палитра, непредсказуем как человек – он на равных с Моцартом и с дворником. Морев врожденный лидер – его непосредственное влияние испытали на себе и Рубцов, и Бродский. Но он до сих пор остаётся в тени.

В предлагаемой подборке в основном представлены стихи, не вошедшие в сборник «Листы с пепелища», ранние и поздние. Автор не всегда датировал написанное. То ли по-нню возвращался и дорабатывал тексты, то ли не считал датировку необходимым атрибутом стихотворения. Даты обозначены в публикации там, где они поставлены самим автором. Предположительные даты указаны в скобках. Сейчас отсутствие дат приобретает глубинный, метафорический смысл – стихи принадлежат вечности.

Анатолий Домошёв

НОВЫЕ СТИХИ февраль 1981

длинный солнечный вечер
воскресение в тучах
надолго
нет нет
нет надолго
воскресение в тучах
длинный солнечный вечер

если творчество слова

если творчество слова и творчество изображения —
это победа над смертью
то все остальные мертвы и мертвы от рожденья
— живы господи живы

но живы как-то иначе, не так, по-иному —
в очередях и дешевых изданиях
в крестной дороге с работы к недоброму дому
в раненых семьях

я не могу ни понять ни усвоить язык демократа —
жалость переходящую в зависть
творчество — это победа над смертью откуда возврата
не было для человека

это не бегство от жизни но это вторжение
в мир отграниченный Смертью,
за горизонт где сливаются Слово, Изображение
и многоярусный грохот житейского моря:

— живы, Господи, живы!

благополучие в работах

благополучие в работах
барочных раковин посмертные лучи
когда включают боль на малых оборотах
и звякают витиеватые ключи

когда кирпичные автомобили
светло и судорожно трогаются вверх
из масляного изобилья
где луч над колокольню померк

любое мыслимое время
утоплено в цветах но тонет в полумгле
на тихой скорости сквозь парк миротворенья
мы проплываем по живой земле

по шевелящейся и мягкой —
в барочных сумерках мы слышим над собой
вздых пневматического вакха
и вскрик венеры спиртовой

на востоке сердцебиенья

на востоке сердце-биенья
за чертой медицинской жизни
где превращается в марево в пену в шипенье
воздушный мрамор бетонных строений
где резина коммуникаций
напряжена до звучанья
эоловой арфы а ветер изображают
с лицом человека раздувшего щеки

на востоке дыханья
на самом восточном востоке
где жилища слов поднимают высокие крыши
где жалюзи опускают —

столько света от моря и столько тепла от песка
что по решетчатой лестнице солнечных палок
по разграфленной белой стене
можно взобраться пролезть на чердак и смотреть

и увидеть
на востоке невероятного полдня
какого-нибудь человека

что было открыто

что было открыто — пора закрывать
осиновый кол над могилой Колумба
мы звездочкой сонной украсим

осталась березовая благодать
и профилакторий — звездчатая клумба
и больше ни Запад ни Юг не опасен

что было — давно перестало быть
что явится — это из области басен
сейчас — это вечность упавшая наземь
ничком на базальтовую кровать

послушай, да ты человек или тумба?
я житель земли занесенный в тетрадь
ее ученичества — и не прервать
старательный прочерк, не выйти бесшумно

из класса где нас разучают читать

реки, мосты

реки мосты остальная природа
от частого употребленья
стертая продранная на сгибах —
автофургон загруженный бумагой
с ревом протискивается в ворота
оледенелого стихотворенья

площади набережные и склады
сторожевая будка с поэтом
еле-еле рифмуется, связана слабой
рифмой — но рыжие псы на решетках
люков окутаны паром
прижимая впалое брюхо
к железным ребрам

ржавчина древних моторов
из-под земли проступает как пятна
прошгодней горелой травы —
прошлая ржавчина, и стихотворная форма
речи беспомощна и необъятна —
воет буксует раскачивается на рессорах
тупорылый трайлер октавы
прямо — ворота, а слева и справа —

вся остальная природа

не по хрустальной механике сфер

не по хрустальной механике сфер
не по толчку музыкальной пружины
сердце срывается с места — и в лоб
красно-красный летит светофер
огнь пятиугольный, пятиаршинный

но по огромному окрику: СТОП!
сердце шарахается с места и брызжет
кляксами по ветровому стеклу
ветрено-красное солнце трупоб
солнце в руинах и в копоты рыжей

сквозь философическую золу
светится огненный шар озаряя
пепел декарта и кеплеров дуст —
по индустриальным развалинам рая
кружит лишенная мыслей и чувств

рыщет — невыраженная, вторая
сплющенная на полюсах
недоприрода ли, недомашина —
сфера всемирного пульса в часах
кровью напитанных и волосатых

о нет, не участья

о нет не участия просишь не дальней дороги не счастья
выходишь из дому — а город какой-то понурый
ну вот, говорят: несвобода удавка цензура
а те отвечают: нельзя потому что начальство...

но даже декрет не заставит разжать
сведенные судорогой вековой
губы — и разве что мать-перемать
наполнит концлагерь языковой

не поэзия в рифму

не поэзия в рифму — отрывка имперского чрева
не латынь переклички латунной
легионеров равняющихся налево
на венценосных летуний

но милиционер из металла
серо-синее национальное древо
дерево права и воли — оно выросло
из нефтеносных глубин вырываясь наружу, острей

власть является снизу, из недр остывающей магмы
нет, не солнце-правитель не маршал-виолончель
но полуграмотный сизый громадный
червь земного ядра

жало земли —
обнаженная цель
зимнего неба — и вся цветовая игра
сыплется вниз, под сапог милицейский

еле слышно хрустя скорлупу лицейской

веревка и пила

веревка и пила аэродром и верфь
строительный разгром — но где? в конце или в начале
великой нации?

империя сама себя развалит
сама себе и царь и червь
ей нечего бояться

заизвесткованный скелет Четвертого Ивана —
он больше остова галеры болевой
на стапеле где облачко меж ребер

где хлюпанье и хрип трофейного баяна
где обыватель пораженный с головой
ушел в историю и обмер

ее махину созерцая
под небом вечно голубым

что лица лицам

что лица лицам говорили?
меня обставшие портреты
столицы глаз, периферии

камчаточных ушей — земля родная!
на доску нескончаемого лета
трехъярусными веерами

наклеенные лики офицеров —
симметрия и позвоночный столб —
страна родная! реки и долины

быки разрушенных мостов
поддерживают нас как бы в полете —
военной косточки, армейской сердцевины

трехтактное лицо при добром повороте
открыто словно проходная
без турникетов и барьеров

нежная химия

нежная химия дыры проела в полотнах
это прорыв небывалый
к новой реальности, в обобщественную залу

это среди мускулистых и потных
братьев-рабочих и братьев станков
в угол забился, тушует брат-живописец

слился со стеклами и с озерцами очков
слился — но вот близоруко приблизит
к самому сердцу Первоадама

базедовы яйца безумных белков
и что за разрывом разламывающим багет?
лучше без рамы какая там рама

если на лицах землисто-болотных
в геологической толще движений народных
отпечатывается будущий свет

соллюкс квадратный

разглядывание слов

разглядыванье слов настолько ни к чему
что при неярком свете бытовухи
я радуюсь любой неграмотной старухе
как долгожданному письму

любому чтению, губами шевеля
и вслух и босиком и в мареве белесом
когда лежит за типографским лесом
неразграфленая прекрасная земля

усвоенная с голоса, живьем
земля молитвы полувнятной
но Свиток Мира ясен, допечатный
в деснице ангела на фоне золотом

нету ничего

нету ничего – а раньше?
раньше – лирика над лютней
и в толпе немногочисленной
с обезьянкой-музыкантшей

флейтица – змея прямая
раньше – всё! а нынче, нынче
безобразно половинчат
ничего не издавая

музыкальный агрегат
в зимнем заспанном пейзаже
за окном вагонной сажи
выгибается назад

женовидный стан виолы
гимнастический, вполне –
как не вовремя, нелепо
врубленная радиоло

ах как надсонит

ах как надсонит апухтит лиловеет!
над поэтом-соловьем
сам фабричный воздух соловеет
воздух съеденный живьем

умер, умер пушкин полевельый
тайный шум произведя
простыней покрыт зернисто-белой
труп весеннего дождя

кончился бретон со всеми в ссоре
черным кубом вознесясь
к облакам теоретического моря
к ливням рушащимся в грязь

рыхло стало, сделалось бумажно
вялую рукой, ладонью влажной
правильный поэт оглаживает речь

больше нет несчастных и счастливых
и апоплексический загривок
залила бычачья желчь

немногорадостный праздник

немногорадостный праздник зато многолюдный
пороха слаще на площади передсалютной
темный пирог мирового огня
а александровская червертня

детство мое освещали надземные гроздья
зимний дворец озарялся и потусторонняя гостья
астра или хризантема росла и росла
гасла – и всё выгорало дотла

помню ли я толкотню и во тьме абсолютной
свое возвращение к вечности сиюминутной
пересечение потоков тоску по минувшему дню
и александровскую четвертню?

Помню ли я разбеганье свистящих подростков
хаос какой-то из шапок обрывков набросков
цепи курсантов морских
помню ли я? – или полубеспамятный скиф

вместо меня это видел и вместе со мною забыл
черные руки отняв от чугунных перил

ПОЗДРАВЛЕНИЕ. 6 марта 1997

Те дни, когда Кустарный переулок,

Аркадой рынка отделенный от собора

Морского, мне казался местом сбора

Античных муз среди питерского сора,

Руин, сугробов, общего разора –

Увы, уже история... Из снулых

Бумажных рыб, что мерзнули тогда

У наших ног, в большой литературе, –

Кто, как форель, из-под льда

Открылся мартовскому золоту в лазури?

В ином пейзаже, в новой русской дури,

Сверкает этот всплеск, неуловимый знак,

Как свет не поддающийся цензуре,

Узору времени, что и на нашей шкуре

Юродивой рукой начертан кое-как.

Проходит жизнь, комками, с перекосом.

Откроется другая – выше, круче.

Здесь лишь стихи, похожие на тучи,

Дождем чреватых, очистительным и босым.

Российский тучный мрак и вечный путь скрипучий,

Архангельским задавшийся вопросом,

Внезапно высветится: мы подобным лозам,

Лишенным почвы, мы не знаем сроков,

Ярмо существования так тяжело...

Есть только что стихи – небесная упряжка

Та, что вывозит.....

с

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ

ВИКТОР КРИВУЛИН

ПОЭТ-РЕПЕТИТОР (ПАМЯТИ КРИВУЛИНА).

Значение для тебя человека понимаешь, когда он умирает. Когда скончался Виктор Борисович Кривулин, я, к тому времени уже давно не писавший стихов, «уврачевал» свой болящий – по Кривулину – дух «Эпитафией»: *Поэт-интеллигент, последний понимающий /Культуры, умиравший с ней,/ Культуры – неизвестно чьей,/ Не русского народа же... Родней/ Народа был ему последний русский мальчик.*

Я и был некогда тем самым «русским мальчиком», ничего толком не знавшим не читавшим и не умевшим, но переполненным стихами и собой, который оказался в квартире Кривулина на Большом. Сколько таких «мальчиков» прошло через эту квартиру... Пришел я со стихами, основным двигателем которых был неудовлетворенный эрос. О чем, – к моему удивлению – мне и сказал Кривулин. «А знаете ли Вы, что солнце-персик, скатываемый по солнечному лучу – образ из моих юношеских стихов, – это эротический символ»? Я тогда не знал ни психоанализа, ни... я вообще ничего не знал. Я не знал, что стихи можно «разбирать», анализировать (не по-школьному, а «герменевтически»). Меня переполняли чувства, и я их как-то «выражал». Как мне казалось, оригинально и непосредственно. Но Кривулин был первый, кто мне, едва намекнув на это, дал понять, что стихи – это совсем другое. Помню его слова: «После Манделштама и Хлебникова так писать нельзя». К тому времени я уже читал и Манделштама, и Хлебникова, но их урокам, видимо, не внял. А Кривулин меня «развернул», в сущности, ничего не объясняя, к самому главному в поэзии – слову. Он сказал что-то типа: «Они писали словом». Я тогда не понял, что он имел в виду. Но со временем понял. Еще Кривулин сказал: «Надо читать». Трепет, который меня охватывал в присутствии этого патриарха, его неоспоримая убедительность – притом что его собственные стихи мне не очень-то были близки, я их просто не понимал, – все это наставило меня на «путь истинный». Так состоялась моя «инициация» в поэзию.

Через какое-то время я снова пришел к Кривулину с совсем другими стихами. Он сказал: «Видно, что Вы читали. Но для поэзии этого мало, необходимо еще “раскачать психику”». Последнего я так и не сумел (или не захотел, не знаю), и поэта, в том смысле, каком об этом говорил В. Б., из меня не вышло. Но читателем поэзии, и вообще «читателем» я, благодаря Кривулину, стал.

Первым таким «чтением» оказалась, написанная в соавторстве с А. Шуфриным книга: «Введение в поэзию Манделштама». Она писалась при непосредственном участии В. Б. Т.е. мы писали очередную главу и приносили ее ему, и шло самое заинтересованное обсуждение. Иногда в нем принимал участие и редактор «Обводного канала» Кирилл Бутырин. Не помню уже подробности этих разборов, но сам факт, что Кривулин тогда не пожалел времени на это, как он позднее писал, «первое фундаментальное исследование поэтики и идеологии Манделштама» – говорит о многом. Думаю, ему был интересен не только Манделштам, но и наше чтение его. Т.е. то, как люди – не очень-то образованные, но «горящие поэзией» и ищущие «мировых смыслов» – воспринимают стихи. Наш подход был заведомо ненаучным, можно сказать, дилетантским. Хотя мы читали немало статей о Манделштаме, но, в целом, противопоставляли свой подход царившему тогда «московско-тартускому» структурализму. Мы писали как «читатели» о «личности» и «речи», Кривулину это было интересно.

При всей своей «культуроцентричности» и внимании к форме, Кривулин, я думаю, относился к поэзии как к «акту жизнедеятельности», а не просто артефакту. И все живое вызывало у него неподдельный (я бы сказал «детский, если бы мы не имели дело с чрезвычайно искусственным в культуре

человеком) интерес. В. Б. удивительным образом сочетал в себе эту детскость и искусственность. Наверно, это было залогом его педагогических, да и поэтических, способностей. Его деятельность репетитора всегда оставалась для меня загадкой. Менее всего я представлял себе поэта – «репетитором». Но Кривулин блестяще справлялся с этим, видимо, не в последнюю очередь из-за того, что всю жизнь был одновременно – «учитель и ученик».

Да, в поэзии он тоже был своего рода «репетитор», т.е. в его стихах «повторялись», особым образом преломляясь, голоса других поэтов. Помнится, в связи с Манделштамом В. Б. сказал: «Он писал от первого лица, но сейчас так писать уже нельзя. “Лирического я” уже нет». Своеобразие голоса Кривулина, я думаю, в том, что через него можно было услышать разные «голоса» – Тютчев, Баратынский, Анненский, граф Комаровский... Кривулин вступал в диалог с этими поэтами, и его собственный голос формировался в этом «диалоге-вопросании» (так, в программном «Я Тютчева спрошу...»).

О чем шел этот разговор? Выделю лишь две темы. Мистика и поэзия мысли. Кривулин – поэт-мистик (для чего бы еще «раскачивать психику», как не для необычного мистического опыта?). Мистика – встреча с потусторонним. В этом Кривулин был наследником символистов. Но поэтика его была не символистской. Свои мистические опыты он передавал с акмеистической точностью. Мы с А.Шуфриным сделали когда-то разбор одного из лучших мистических стихов Кривулина – «Синий мост», пользуясь тем же «герменевтическим ключом», что и в разборе Манделштама.

Но все же не мистика главное в Кривулине (она в его поздних стихах почти исчезла, они стали вполне «реалистическими»). Преемственным по отношению к стихам «советского периода» было другое. Кривулин всегда был поэтом умирающей культуры. Культура умирает по определению, т.к. «проходит образ мира сего», а культура и есть образ этого мира. И она «проходит». Но почти никто из самих «деятели культуры» не отразил культуру в этом ее качестве. Манделштам был великим поэтом утопии (как показал Гаспаров), или – и это тоже верно – пророком наступающего «нового неба и новой земли». Кривулин был поэтом-свидетелем умирания культуры. В пост-советские годы он нарочито отстранялся от дорогой ему некогда культуры Серебряного века – тех же Хлебникова и Манделштама (по-разному от каждого). Мне это – особенно отстранение от Манделштама – было не по душе, так как для меня Манделштам остается не столько поэтом утопии (это «тьма», сколько пророком «нового» («Я не битва народов – я новое»). Но В.Б. было необходимо это пост-модернистское отстранение от модерна. Впрочем, и его следует понимать в контексте свидетельства об умирании культуры. Культура умирает не потому, что она «плоха», а потому, что она не вечна. Как и время. Все это: умирающее время, умирающая культура, государство, язык – в своем умирании были болью Кривулина, основным творческим «переживанием», понятным и «исполненным» в его стихах. Во всем своем творчестве, но особенно в последних стихах, он был не просто свидетелем этого умирания, но и сострадал ему. Более всего он сострадал умиранию языка.

«Мы время отпоем» – писал Кривулин в самом знаменитом своем стихе. Кривулин – не поэт истории, как многие считают, а поэт – конца истории. Умирания времени и конца истории. Он умирал вместе с умирающей – Бог весть, сколько она еще будет умирать до конца света – культурой.

Мои любимые поздние стихи Кривулина: *и стали русские слова/ как тополя зимой/ черной земли в отвалах рва/ во рту у тьмы самой/ / меж ними слякотно гулять/ их зябко повторять/ дорогой от метро домой/ сквозь синтаксис хромой*

Есенистое

Он шёл, покачиваясь, между белых столиков,
 понявший всё и непонятный им,
 от пьяных губ поклонниц и поклонников
 туда, где был когда-то молодым.
 Нет, не стакан, не распоясанные брюки,
 не тело женское под шёлковым чулком
 он видел: роза между ног у проститутки
 его берёзовым облита молоком.
 Его за рукава хватили чьи-то руки
 и плясками звала к себе Дункан.
 А он хотел в траву с глазами незабудки,
 в луга, где со стогами был он пьян.
 В росу, в туман...и с лошадиной силой
 в стекло зеркальное бутылочный удар!
 Рука за золотистый чуб его схватила
 и вытолкнул за дверь в мороз швейцар.
 И в снег лицом! И улицы молчали.
 Но счастье шло от тихих светлых снов —
 он спал и видел: все его прощали —
 мать, звёзды и стада пасущихся коров.

1950

Рыбий глаз

Город-стол в минаретах бутылок.
 Нас четверо за столом.
 Под скатертью модные ноги её,
 старомодные ножки стола — кривые...
 Рука в крови маникюра
 блестит золотым кольцом;
 губы ещё не целуют,
 но уже дают чаевые.
 В тарелке окурки в уксусе
 в рыбий глаз погашен.
 Медленно взыв, со столика
 зачастил, забрыкался фокс.
 Вот оно, жизни счастье —
 в мякоти ляжек ваших!
 Двигайтесь, тритесь — вы счастливы,
 вы решили жизни вопрос!
 Нет! Я не пьян, я немного выпил, мне кажется,
 а папираса за папирасой
 ищет ответа вновь и вновь.
 Кто-то мне в щёку, слюнявясь,
 губной помадою мажется, —
 она, красивая, модная,
 предлагает мне танго, любовь...
 «Ты поэт, у тебя усы, им нужны дорогие духи.
 Ты кастрат или пьян? Вдохновения нет?
 Ну, прочти о любви мне стихи!..»
 Она жадно дышит,
 целуя, не закрывает глаз.
 Нас танго водит вокруг стола,
 к тёмным манит её закоулкам...
 Голова селёдки в тарелке,
 затаившись набухшим окурком,
 смертью рыбьего глаза
 холодно смотрит на нас.
 Давно опустилось за городом
 зимнее солнце рыжее,
 и грудь распирает яблонь тоска
 по солнечным дням весенним.
 А она с пустыми глазами,
 красивая и бесстыжая:
 «Ну, снимите мне капрон, или ты не Серёжа Есенин?»

Я затягиваюсь и с наслаждением
 выпускаю ей дым в глаза.
 Белизну её декольте
 осыпает горячий пепел,
 в ресницах каменноугольных
 с никотином сжалась слеза...
 Но как прекрасна далёкая та —
 самая чистая на свете!
 Папираса ярка, горяча —
 я вклеил её в белую шею,
 с радостью принял щекой
 звонкий треск её руки,
 но, улыбаясь, держал, прижимал, прижигал,
 словно шнур поджигал у врага в траншее,
 наслаждаясь, был счастлив, словно читал,
 любимой читал о любви стихи.

1956

В деревне я.
 Со мной моя любовь.
 Мы ходим в лес
 и на ночь моем ноги,
 смываем пыль просёлочной дороги,
 пыльцу цветов нескошенных лугов.
 Роскошествуем.
 Утром — молоко,
 крик пастуха,
 а в полночь — сон, и снится,
 что, кажется, живётся нам легко,
 и я — то царь Гвидон,
 и даже Соломон,
 а ты — ветхозаветная царица.
 Блаженствуем — и только иногда,
 когда, скрипя крыльцом,
 ты с солнцаходишь в сени, —
 мне кажется, что больше никогда
 меня не посетит мой ясный
 тихий гений.

Ближе к ночи распяли его
 у пивного ларька за углом.
 И еврейские руки его,
 и еврейские ноги его
 люди били тупым кирпичом.
 Ночью дождь хлестал по щекам,
 по бортам пиджака, по ногам,
 дождь хлестал его накрест-крест,
 дождь хлестал и хлестать устал...
 Но еврей рано утром воскрес
 и за пивом в очередь встал.

1959

Я денег на любовь не занимал.
 В кармане только мелочь на трамвай.
 Любимой я цветов не покупал,
 любимой я духов не покупал.
 Сплетались руки — в шалаше был рай.
 Я денег на любовь не занимал.

Она была верна мне, как табак,
 как мать, как воздух, как земля под небом.

Она мне говорила: «Ты чудак!»
Она меня любила просто так
за то, что я чудак,
и что другим я не был.
Она была верна мне, как табак.

Так, как она, любить никто не может.
Она срывалась с крыши лёгким звоном,
она врывалась в окна звонким горном,
и в улицы, и в дом текла потоком горным
ко мне. Но вас она не потревожит, —
так, как она, любить никто не может.

Чтоб всё узнать, увидеть и услышать,
чтоб у людей, как у собак, найти участие,
я принял всё: и свет в окне, и крыши,
и ласточек, и облака, и выше...
Я буду вечно молодым, хмельным от счастья,
я буду мудрым, молодым, седым от счастья.

1959

Ах, Рабинович-Рабинович, вы всё плачете,
да бросьте вы всё думать о лечении —
возьмите скрипку и сыграйте классику,
сыграйте что-нибудь потише, повечернее...
А вы, вы — Сара, вы закутайте ребёночка,
качая, будете смотреть на мужа,
а я, простите, я открою форточку —
ребёнку тоже свежий воздух нужен.
Ах, Рабинович-Рабинович, что за музыка,
поверьте, мы давно такой не слышали,
как будто всю-то жизнь свою я мучился,
и вот я наконец бросаюсь с крыши...
Играйте, Рабинович, ах, играйте,
и на меня так грустно не смотрите,
да-да, я плачу, да, сегодня я в ударе,
я так похож на Станционный смотрителя!

Я не прощался, и зачем прощаться?
Я тихо вышел покурить и помолчать...
Я знаю: вечно будет Медный Всадник мчаться,
и кто-то впереди, согнувшийся, бежать.

Пусть свет в пространстве останавливает плоскость,
но в этом городе мой дух необъясним,
и с тенью облака перехожу я площадь,
воспоминанием застигнутый твоим...

Пусть трость в углу в застенчивости строгой —
мне всё равно, кто трость мою возьмёт, —
но вот моё перо — продление моих строчек —
кто новую строку моим пером начнёт?..

(1967)

Коснулся я тепла твоей руки.
Моя была холодной и безмолвной,
и вот наполнилась теплом и волей,
и пальцы стали зыбки и легки.

Я вдруг почувствовал ответ твоей руки
и захотелось мне продлить касанья нежность:

к запястью тёплому, к плечу, в изгиб реки
меня влечёт, а мимо берег снежный.

Черёмуховый лес на берегу,
а я с тобой и нас несёт течение.
Так под пальто, под фонарями на бегу
я вижу загорелых плеч твоих движенье.

Не убегай сама, а удержи меня.
Хочу почувствовать я на губах твоих желанье.
Хочу уснуть я под твоё дыханье...
Запомни — все мы вышли из огня!

И все мы станем пеплом и молчаньем.
Не убегай сама, останови меня!

В тот поздний час,
когда друзья ушли
и стол остался полем после битвы,
меня убитые слова нашли,
а мне казалось,
что они давно забыты.
В тот час, когда я лёг,
вдруг в тишине ночной
пригрезился мне образ незабвенный,
почувствовал я вдруг:
ты не забыта мной,
твоя звезда сияет над вселенной.
И понял я в слезах,
в сочувствиях тоски,
что рядом ты была, клянусь и каюсь.
Смеркалась ночь...
А я твоей руки,
твоей любви,
души твоей касаюсь.

(1979)

Чехов

Холодная печка. Топить больше нечем.
Сожгли все книги и полки шкафов.
Один лишь остался милый Чехов —
книгами — не поленицей дров.
Полумрак неуютный в комнату вносит
коптилка, пустой освещая стол.
Старушка чуть слышно супруга просит,
чтоб «Дом с мезонином» он ей прочёл.
И в комнате с грустью вновь прозвучало
чеховских слов дорогое тепло.
«Мисюсь, где ты?» — тишину разорвало,
согрело на миг и в холод ушло.
А ей уж не встать. И, скованный мукой,
склонился к холодному он камельку:
согреть бы её замёрзшие руки,
дать выпить хотя бы стакан кипятку!..
Огонь в буржуйке, — трепетно светел, —
смеясь и печалась, рассказы прочёл.
И на вопрос «Чем топишь?» ответил:
«Я, знаешь, тут старых газет нашёл».
И долго в огонь со слезами глядел...
Но в комнате мёрзлой уютно стало,
и руки согрелись, и чайник вскипел...
«Бедный Чехов, — она прошептала, —
ты никогда ещё так не грел!..»

Виктору Гейдаровичу Шир-Али Заде

Шир! Читаю тебя. В первую голову. Очень трудно читать тебя. Забываю интонацию. Она НЕ УКАЗАНА. Я тебе говорил. Поэзия последних двух тысячелетий жидется на бумаге. Я читаю Есенина. Говорят, он хорошо читал. НЕ ЗНАЮ. Писал он плохо. За окном шумит австрийская метель. Без разницы. Такая же мятель в поэме "Томь". Дело не в языке. Томский или венский диалект равно прекрасны. И хрен австрийский русского хрена не слаще. Сейчас отведал с похмелья. Вопрос в интонировке. Вчера читал ТВОИ стихи графиням Разумовским. Доказывал, что ты аристократ. Эстет. А кто ж ещё? Твои стихи прекрасны. Но трудно их читать. "Цейтнотик, виражёр" – я помню, КАК ты произносишь, но где-то уж забыл. И ты мне не поможешь. Ибо пришёл ты к совершенству ИНДИВИДУАЛЬНОМУ. А передать его нельзя. Твои стихи молчат. Ты не смеешь останавливаться. Покамест не найдёшь фиксации своей гармонии. На бумаге. Иначе – жил и работал ты впустую. Прости мне менторский тон. Ибо – люблю. То ж говорил тебе при записи. Ведь ты умрёшь. И вместе со стихами. А я хочу, чтоб жил. Не во мне, а во вне. Ширушка, тебе лишь 30 лет. Что из того, что все они потрачены впустую? Ведь и у Миши не запишешься навечно. Пиши навечно на бумаге. Уже "Стансы к Августе", вещь компромиссная с Кри-Куп-рияновым, надёжней "Декабрей". А жалко. "Декабри" люблю. ХОЧУ, ЧТОБ БЫЛ БЕССМЕРТЕН НА БУМАГЕ. Ещё не поздно, Ширали. Учись. Я Боре говорил об конструктивистах. Чичерине, купно Сельвинском. Но Боря взял Сельвинского издания "Библиотеки", и радостно сказал: "Плохой поэт". Естественно. Из 600-от страниц там 50 страниц конструктивиста, и те печатаны не тем изыском, поиском, изяществом. Чичерина же "с тех пор не издают". Они искали способов фиксации интонировки. Пускай фонемами. Других пока не знаю. Кривулькин подарил. Совписовский трактат о звуке. С цитатами Чичерина. А мне довольно. Абы образцы бы были.

Ширушка, милый! Хочу, чтоб ты был. Ещё не поздно, товарищ капитан. Ещё успеешь зафиксировать. Иначе пропадёшь. Отсюда мне виднее. А не имеешь права пропадать, проклятая "элита". КАК ты теряешь в чтении (с листа)! Ведь ты же чуть ли не лучший поэт в Ленинграде. Во всяком случае, самый "поэтический". Недаром бабы любят. Надо, чтоб и мужики. Гармония сложна. Стихи должны звучать. Не с голоса, а с буквы. Я говорил тебе, ЧТО у нас в распоряжении. Немного. А надо сделать – всё. Ну как тебя читать, когда тебя не слышно? Я мучаюсь, люблю. Доказываю всем. А ты мне не помощник. Обидно, Шир. Переходи на прозу. Недаром Пушкин, Гоголь, Белый перешли. Я сам перехожу. Полгода – ни стиха. Зато какая проза! Кайфую, ворожу. Витинька, самое страшное, что в стихах мы идём на компромисс с классицизмом. Кривулин уж давно. Издательства. Ты же нет. Ведь вряд ли кто так понимает твою любовь к Андрею. Я сам его любил. Теперь уж не люблю. Съел огурец. Солёный. Их здесь есть. Лучшее свидетельство интернациональности поэзии. Закусывают тем же. Поэтов же здесь нет. Читать здесь не умеют. Один прозаик Иванчану, румын, но пишет по-немецки. Он мне понятен, невзирая на язык. Я тоже так пишу. Все прочие – морковка. Красивые, но есть нельзя. Невкусно. А вкусно – холодильник, огурец. Всё как в России. И пиво здесь дают. Хотя в жестянках. И очень дорого. Дороже огурца. Здесь трудно. Здесь трудней. Поэтам – тоже. Никто не слушает. Но можно здесь писать. Особо – прозу. Можно и стихи. За них не платят, не читают, но не вяжут тож. Поэтому поэты ни к чему. А я – увы! – поэт. И друг поэтов. Об них и говорю. Читаю их. За пять месяцев – два раза. Кому читать? Поэты не нужны. Что из того, что и бессмертны мы? На Западе – пойми! – загробный мир. И там жить можно. Скорее, доживать. Будь я один, как ты, возможно бы, не выжил. Но у меня есть ты, Кривулин, Куприянов. Наталья есть, но только она там. Есть Гена Гум, пристанище надежды. Шемакин есть, который не даёт. Пишу стихом. Я отворяю вежды. Пою с тобой. Молчание. Дуэт. Пойми, мой Шир! Ширяется. Ширинка. И широка страна моя. Не тут. Пойми, что эмиграция – ошибка. Маслины лишь в Израиле цветут. Горит рефлектор, даденный графинею. Вода в графине замерзает. Ночь. В соборе Богоматери грифоны похожи на. Воспомяненья прочь. Я прячу

их. В слова свои. В шкапулку. По щиколотку стоя – какое дерьмо почему оно везде пахнет одинаково почему солёный огурец ничем не отличается от российского диван халат эмилия готовит пишу пишу роман аврору не курю но австрию которая за десять вечера испил столичную графья весьма милья кирилла разумовский был гетьман позже сын его андрей уехал в австрию и там построил мост посередине вены здесь россия хотя течёт дунай нева москва течёт нью-йорк придётся туда ехать поскольку здесь не кормят только мышь поэты не нужны ни в австрии ни в вене на лене не нужны солёный огурец столичная никита на колени смирновская абсент хемингуэй мадам тиссо склоняется над тиссой не вырос тисс я тискаю жену роман не издан но уже написан я вглядываюсь тупо в глубину жены за неимением натальи которой муж теперь универсам я сам с усам сусанин мял сусанну о если б он поэмы не писал элита экстерьер спермопродукты охапкина сношался ширали в трамвае венском водится кондуктор и "муди мои вошью зацвели" здесь нет борделей тихий синеблядик цветок россия здесь он не растёт япония тургеневым балдеет пого писал за ним писал ростан обоих издают но в континенте володу марамзин меня там нет он член ревизионной комиссии как я тоскую по российскому минуте здесь его не умеют это не модно это не секс секс дают по телевидению для детей старших классов способны в основном один во всех кинофильмах поза сверху сзади не дают в россия разнообразней россия страна почвенная поэтому рожь не растёт покупают в канаде продают газ тоннами мегатоннами так и живём вы нам газ мы вам глаз одноглазый запад тупо тарашится ничего не видно китайская стена на сенатской площади юлия вознесенская родила у памятника петра радовалась милиция венская полиция глеб струве и никита оболенский в передаче по свободному телевидению свободная россия радиостанция свободная европа в париже не пускают нет документа советская виза розовая австрийский паспорт коричневый французский паспорт синий разницы никакой никуда не пускают так и сижу и буду сидеть никуда не ехать ехать некуда в америке язык английский в австрии немецкий в швейцарии два языка многонациональная европа у всех свои заботы никому не нужен ширали кузьминский тоже не нужен так и живём то на западе то на востоке земля круглая где что непонятно границы нет между севером и югом безграничное пространство поэзия но её не продают не покупают ждут пока пастернака ахматову ещё лет через 50 ширали изучать не будут нет ширали не будет ширали ширали ширали ширали ширали один я знаю никому не нужно разумовским не нужно оболенским не нужно шаховским и шихматовым струве иваскам филипповым елисеевым булочникам гастрономам полковникам ничего не нужно колокольный звон протестантская церковь поэзия протеста головная боль ничего не нужно никому не нужно а ты пиши пиши напечатают издадут денюжку получишь молодая гвардия имка-пресс платят в долларах рублях и ругиях в новой гвинее своя валюта миклухи-маклаки на западе не котируется на доллары не меняют лиры пенго и форинты леи стотинки гроши это всё не валюта ракушки деньги из перьев мельничные жернова медные китайские чохи иены из вены дукаты золотые и иастры чего нет того нет новогвинейские миклухи тасманийские кенгуру так и платят двести восемьдесят пять кенгуру и тридцать утконосов в месяц вшиллингами и клопами за радиопередачи на верхне-немецком хоходиче саарском диалекте так и пишешь на чём погало всё одно не печатают проблема акклиматизации ассимиляции пришельцев и аборигенов украинской колонии в конго манго и авокадо киви кокосы всё это на австрийском рынке а рыбы нет ем зайца у графини разумовской утку и тетерева австрийцы же едят кур и несут яйца это очень популярно стариков нет дупелей и перепелов тоже вальдшнепов бекасов и дятлов не дают не водятся седло козули с диким чесноком тирольские шляпы шорты до колен юбки гораздо ниже у секты божьих детей есть мать мария полночь в которую я влюблён больше не в кого обезбавило в зоопарке дают бабушка разврат бабушки и дедушки в шортах и шуршунчиках поголовный онанизм сплошная сублимация фрейд и розанов свобода мнений больше ничего ничего ничего пустота стотинки так вот и живём

Вена, 1975

ВикторуКривулину

Пью вино афоризмов. “Фортуна – женщина” (Маккиавели). А здесь их нет, плюгавые австрийки, профессорши и профферши, ма’ам Поплюйко-Натов – на том стоим, на этих не стоит. Витюша, как же быть? Вино пью архаизмов, архаика, тоска, тоскливый архалук, не вышел арнаут, архара выют арканом, архана нить прядёт длиной в один арпан

Перепутались архаики, вохры и аххры, авангард ракообразных – куда идёшь? В “Русской мысли” – печатка (на “Пять поэтов”): Александр... Пушкин, что же дальше, куда же ещё? Мало тебе Ширали говорил? Про “прокатный скелет акмеизма”? Ух, как душит он тут, с задержанием мочи и мочи – на сто с лишним лет! Бабы, бабы, бутоны, бобы – “Я – бобовый король”, а корове неужто бобо, когда бык – рогом прыг (Дима Пригоф и Мариенгоф).

Витя, не могу – обклали акмеисты, который футурист – один Галецкий сплошь: музей, “XX век”, а там – Эрлюша, а полуПригоф – ша! Кузьминский не стоит.

Плохо пишу, ненужно пишу, неумно пишу, но пойми: то же самое, тот же настрой – на струне, стручок, а из онаго – боб Где же истина, если не здесь? Коммунисты левеют, франкисты танцуют фанданго, танго с лысой фалангой – архаисты привычно вино архаизмов жуют

Жизнь коровья и вымя коровье
и сосут и сосут

не сосуды – а сутры с утра

невозможно жить невозможно думать: иваск филиппов глеб струве струя сутрапьяна ах ахматова, цвет мой – цветаева, цур!

игорь шур под шурдинку закусит сардинку (он лакомка, интеллигент, бля, недотыкомка, урков недолюбливает, бля, с кем ещё говорить?)

некому не с кем – пусти постояльца – весь угол загадит

а, витя, люблю

обвиняют меня в русской мысли за отсутствие знаков а сами со чем их ядят? сколько штук на страницу?

Но нам Голофаст завещал

сумбурно – тамбуром в шлямбур, тамбурмажором в жидовский Тамбов – кто там был кто в Воронеже жоржиком пел? мандельштам, не обманешь он рюрика с иваском в рот футу – в фут глубиной, на два фунта солёных дают. рыжик? жоржик? гузном на рожон – восемь жён, макс волошин есть кекс (а орешком волошским – фундук?) заседает ДУРАК в академии платят с души Есть душа? нет души? Гоголь дюжинку нам опиши Отпишет, отпишет, Гого, душка твой, тёзка твой – вой и весь сединаю – Седых. Дух тут дох, но Бердяев упорно пердит, импредики, предикат кат и катышек – Кушкин, ку-ку! сумбурно пишу, невнятно, непонятно – что и зачем поминать? мать и Горького мать мать навыворот – блядь или тать На Тапти – ты-то – то ли курят канакти тытон то ли бетель жуют мыла для и верёвок кокосовых для (петель? петел?) пропел

вспоминаю тебя питер катер невы парапет зрею корнфельдом рисовым полем (поллюция? сублимация? машка-мордашка? людвиг ашкенази

зрит борзая и зрею прыщом. в неимании баб (утекла ведь Полина в Нью-Йорк! Бедный Йорик, твой череп смердит, как хорёк (как хорей, коим чукчей оленей гонять – но пришёл ледокол, и каяку – каяку: в магазине дают дырокол...

витя, витя, ты прости меня, это бред или брод, я куда-то /наверно/ берды /сэр Алим Кербабаяев не платит байрам в буерак – раком Байроны ползают, рядом – есть биир и Бейрут/ Корни /руты/ пускают побеги в слова. Слева – лев, в нём растёт голова. Ангел мой! Оттакрингер унд Швехатер биир – сколь обширян и радостен мир. На миру смерть красна, для кого-то сосна, а осина – Сусанин ведёт.

Меня – уже! – светик мой, обвиняют, что я “вторю моде пятидесятилетней давности”, и “пишу стихи без единого знака препинания” /сколько их там положено на страницу, ты,

корректор?/, а “иногда повторяю зады модернизма десятых годов”, слава Богу, хоть “талант поэта пробивается”... Витенька! Чьи азы ты повторяешь? Боратынского? Тютчева? Или? А то и пораньше? Чьи азы, ёб твою мать, повторяют акмеисты? Мои, что ли? Кручёных, коего ни одна сволочь не читала? Жизни нет. Протухшие графья диктуют моду. И по сю футуризм здесь “бьяка”, согласно мнению свежепокойного Терапиано /ещё смердит, и всё во “Русской мысли”/.

“Новый” год. Лежу, голый, в ногах – борзая /русская, чистокровная псовая, окраска – муруго-пегая/. Пришла графиня Р. /милейшее создание/, подарки в клюве принесла, иду встречать который к фрау Вольф /издательства уж нет, но есть библиотека/. Меня здесь ценят. В Париже ихних нет. И в “Русской мысли”.

“В бытность мою в Вене я был влюблён сразу в двух графинь Р***.” Так начинается глава романа /и соответствует действительности/. Познакомил Машеньку Р. с живым монархистом /натурально, из Москвы/. Очень смеялась. Лежу и принимаю подарки: то от Корделии, то от антропософфов, к католическому Рождеству, к Новому году, а впереди ещё старый, православное Рождество, еврейская Пасха...

Жить здесь можно, Витя, но – одиноко. Пишу роман. Который не спасает. Поскольку есть промежности и нет промежутков /наоборот/. Ах, Венский лес! Шварвальд и дамская капелла! То Скорцени хоронят, то Крайского избирают – крайности промежности. Живём, но тужим. Ты сюда не едь. Живи пока /?/ в России.

Люблю тебя. Поэтому пишу. Что было – того нет. А помнишь, Витя?... Резвлюсь. Всегда резвун. Сейчас жаловался графине Р. что девушка Полина К. меня не любит. А я ей, бляди, сто страничек написал /романа, разумею/. Лежу, диван, халат, не ходят бабы. Но бабы ходят /под/ себя. Лев Квачевский /жена поехала переезжать и помогать/, Наталья Гробо-Невская /ещё не видел, не дают/, вокруг одни евреи. Ассимилируются со скоростью пука. Приехал – и уже сионист. Штерны и прочие штервы. А вот Стерна – нема. Не моя здесь струя, потому и пою, потону в Потомаке, мабудь. Игорь Шур есть шуршунчик, люблю его, он меня – нет /ибо он не поэт/, я же – ближе /телесно/ к тебе. Было тесно втроём, а тепеь мы поём, только каждый на своём – языке.

Везут меня в Америку /этап, не уйдёшь!/, в Европе здесь живёшь без паспортов: австрийки не дают, французы не дают, швейцарцы – Боже!, на немцев тоже не скажи – еврей. Закрытых день дверей, Ефим Григорьевич Эткинц – меня на своей лекции призрел. Прозрел ли он? В Лион, в Гренобль, в Тулузу – повсюду ждуг, но визы не дают.

на новый континент! в котором не ни мини ни макси ни марам ни даниэль-синявских. Шемякин не спешит. Я тоже не спешу. Куда же нам спешить?

на площадь не ходи. ещё не время. поистине молчат все голоса. которые здесь лавры жнут – назавтрева увянут: на плещи не цветёт Господня роса

кошмар. молчание. глухая провинция. но кормят – на убой /пока не убиёшься/. в нью-йорке – джунгли, стонет бахчанян: на нём, на ровнере растут лимоны. жив волохонский. с ним хамелеон. жена его, скоринкина, пропала. здесь пропадают все. не езди ты сюда, и людям не вели: а то поедут!

лежу, жена опять бежи за пивом: его здесь пьют, я не из их числа.

пиши, Витюша, дай Господь тебе крепленья! Люблю тебя /хотя и чужд ты мне/. тем крепче я люблю. Целую. Надо.

Вена, 1975

Справка об авторах составлена в виде ответа на анкету:

1. дата рождения.
2. образование.
3. принадлежность к творческим союзам, организациям и объединениям
4. творческое кредо.
5. публикации (выборочно).
6. книги

ПОЛИНА АНДРУКОВИЧ

1. рождения 27 ф. 1969;
2. окончила худфак ВГИК'а, по диплому – художник анимационного фильма;
3. член Творческого Союза Художников России;
4. кредо: «страх и другое – материалы, не все можно увидеть, но можно услышать, услышать жалобу матери, преобразовать сигнал, перевести...»;
5. публикации: альманах «Вавилон» номера 7, 9, 10 – стихи; номер 8 – короткая проза; плюс альманахи лит. клуба «Авторник» (стихи);
6. книга стихов «Меньше на один голос», издательство Арго-риск, 2004.

НИКОЛАЙ БАЙТОВ

1. 23 мая 1951
2. Окончил МИЭМ (Московский ин-т электронного машиностроения)
3. К творческим союзам не принадлежу. Являюсь членом Пэн-клуба. 4. Творческих предпочтений нет, пишу всё: стихи, прозу, эссеистику. Хотя стихи предпочитаю традиционные: рифмованные и ритмизованные. Занимаюсь также литературным перформансом и book-art'ом. Делаю объекты readymade в литературе.
5. стихи – в журналах «Знамя» (1995-2004), «Арион», в антологиях «Самиздат века» и «Современная литература народов России»; проза - в журналах «Лепта» (1993-94), «Новый мир» (10.2000), в «Антологии странного рассказа» (Донецк, 1998), в «Антологии короткого рассказа» (М., НЛО, 2000)
6. «Равновесия разногласий» (стихи), 1990; «Прошлое в умозрениях и документах» (проза), 1998; «Время года» (стихи), 2001.

ГРИГОРИЙ БЕНЕВИЧ

1. 26 авг. 1956
2. высшее технич. и гуманитарное. к-т культурологических наук.
3. не принадлежу
4. не говорить, пока не спросят
5. Введение в поэзию О. Мандельштама (в соавторстве с А.Шуфриным) // Труды ВРФШ | 1. 1992 г. СС. 139-234. Статьи в журналах «Свободный канал» и «Часы»
6. Сб. стихов «Прощание» (совместно с О. Поповой) (1994); «Мать Мария (1891-1945)» (2003); «Беседы о православном догматическом богословии» (совместно с А. Шуфриным) (2004).

НИКИТА БЛИНОВ

1. 28 декабря 1951, Ленинград.
2. Учился в Средней художественной школе.
5. Публикации: журнал «Часы» №№ 44 (1983), 51 (1984), 57 (1985), 79 (1989).

ТАМАРА БУКОВСКАЯ

1. 6 марта 1947, Ленинград.
2. Окончила филологический факультет ЛГУ,
3. Действительный член Академии Русского стиха, член СП СПб.
5. Основные публикации: «Вестник РСХД», журналы «Нева», «Аврора», «Звезда», «Стрелец», «Колокол»; антологии «Самиздат Века», «Поздние петербуржцы», «Русская женская лирическая поэзия XX века», изд. Фишера, Франкфурт на Майне, 1993, «В Петербурге мы сойдемся снова», Штудгарт, 1996, «La celeste Peterburgo delle ombre», Genova, 2002, «Город – Текст Петербургских поэтов», Русская библиотека Толстовского фонда, Мюнхен, 2002.
6. Автор шести стихотворных книг: «Отчаяние и надежда», Художественная литература, 1991; «Версии», Ольга, 1992; «РеРе», Ольга, 1992; «Джакомерон», Редакция книги из Санкт-Петербурга; 1995, «Свидетельство очевидца», Облик, 1999; «Невещественное доказательство», Формика, 2002.

ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВ

1. 5 сентября 1960
2. Высшее (Химфак ЛГУ)
3. Член СП СПб
4. Жизнь чудесна и удивительна. Всё, что мы делаем – часть этого чуда.
5. В журналах газетах и альманахах: Родник, Сумерки, Черновик, Русский Разъезд, Лепта, Альманах Руслана Элинина, Индекс, Collegium, Многоотрие, НЛО, Собеседник, Арион, Заповедник, Гуманитарный Фонд, Нева, Poesia (в переводе на итальянский), Babylon (в переводе на чешский), Смена, Окрестности, Дружба Нарордов, Крещатик, Златна Греда (в переводе на сербский) и др.
6. Книги: «СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ», СПб, «Северо-Запад»; 1992, «ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ», СПб, «Северо-Запад»; 1994, «ПЕРЕКРЕСТКИ», СПб, «Борей», 1995, «СТОРОЖ НОЧИ», Спб, «Азбука», 1996; «ГОСПОДИН ВЕТЕР», СПб, «Борей»+«Публикёрс», 1998; «ЗАПИСКИ НА ОБОЧИНЕ», СПб, «Знак»+«Автор-арт», 2000; «ГОСПОДИН ВЕТЕР», Спб, «Амфора», 2002.

НАСТЯ ДЕНИСОВА

1. Родилась в 1984 году в Ленинграде.
2. Училась в Литературном институте.
3. В литературных объединениях не состоит.

АНАТОЛИЙ ДОМАШЁВ

1. 16 ноября 1938
2. Окончил Караблестроительный институт.
3. Посещал Лито «Нарвская застава» (1960-70-е)
5. Публикации в журналах и альманахах.
6. Книги: Ветви и мечты (СПб, Водолей, 1994), Жизнетворения мои (СПб, Дума, 1998), Наказание охотника (СПб, Аспин, 2001)

ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ

1. 29 октября 1947, г. Волхов.
2. Посещал ЛИТО «Нарвская застава», входил в группу поэтов «НАСТ». Член Союза писателей СПб.
5. Публикации в журналах Сумерки, НЛО, Петрополь, Черновик и др.
6. Книги: Неверный угол (СПб, Юность, 1993), Послекнижие (СПб, Канон, 1999), Слегка чуть-чуть и кое-где (СПб, Борей, 2000).

АРКАДИЙ ИЛИН

1. 2 апреля 1948, Ленинград.
2. Окончил библиотечный ф-т Института Культуры.
3. Посещал ЛИТО А. Кушнера. Член Союза писателей СПб.
5. Публикации в журналах Логос, Арион, Крещатик и др.
6. Книги: Другая жизнь (СПб, Прометей, 1994); Силуэты судьбы (СПб, Ut, 1998); Отражения (СПб, Золотой век, 2001).

КОНСТАНТИН К. КУЗЬМИНСКИЙ

1. 16 апреля 1940
2. пара незаконченных высших (биофак и театральный) и лит. профессура (техасский ун-т)
3. анархист, членом не состоял
4. кредо: «всех – на хуй!»
5. самиздат - и по сю, не считая журналов-газет (свыше ста)
6. 9 томов антологий «у голубой лагуны», не считая брошюр (тож свыше ста)

СВЕТА ЛИТВАК

1. Родилась в г.Коврове, с начала 80-х живу в Москве.
2. Окончила Ивановское художественное училище.
3. Посещала поэтические семинары студии Кирилла Ковальджи, до начала 90-х наиболее близкое литературное товарищество с клубом «Поэзия». С 1996 г. член Союза писателей Москвы.
5. Постоянный автор журналов «Знамя» и «Арион»: ЗНАМЯ, 1995, 12; 1997, 5; 1998, 10; 1999, 10; 2001, 10; 2002, 7; 2003, 11; АРИОН, 1996, 2; 1998, 4; 2000, 2; 2001, 3; 2003, 2. Антологии: Самиздат века, 1997; Crossing centuries, 2000 (USA); Антология русского палиндрома, 2002; Russian Women Poets, 2002 (London).
6. Автор двух поэтических книг: «Разноцветные проказники» (92) и «Песни ученика» (94), а также прозаической «Моё путешествие на Восток» (98), книги эротической прозы и поэзии «Это – любовь» (02).

ЛЕВ МЕЛАМИД

- Автор, подобно С.Беккету, избегает уточнения подробностей своей жизни

ЮРИЙ МИЛОВАВА

1. Родился 6 апреля 1952 года в Тбилиси.
2. Окончил Тбилисский ин-т иностранных языков.
3. Член Союза литераторов.
4. Отказался отвечать.
5. Публиковался как поэт в журналах Континент, Литературная Грузия, Черновик, Футурум АРТ, Акценты (Германия), в альманахах Поэзия, как литературовед в журналах Вопросы литературы, Футурум АРТ.
6. Автор книг стихов Взамен (1996) и Прялка-ангел (2004).

АРСЕН МИРЗАЕВ

1. Родился в 1960 году в Ленинграде (СПб.).
2. Учился в ЛГИ, ЛЭИСе и Свободном Университете (мастерская поэзии).
3. С 1989-го по 1995 год принимал участие в издании журнала «Сумерки». Член редколлегий московских журналов «Футурум АРТ» и «Дети РА».
5. Публикации: «Антология русского верлибра», НЛО, «Футурум АРТ», «Арион», «Литературная газета» (М.), «Русский разъезд», «Аврора», «Петрополь», «Питерbook», «Петербургский литератор», «Сумерки», «АКТ» (СПб.), «Collegium» (Киев), «RUSSIAN-AMERICAN ANTHOLOGY» (St. Petersburg, «Черновик» (Нью-Йорк - СПб), «Reflect/Кудусешиц» (Чикаго), «Autograf» (Гданьск), «Крещатик» (Германия), «Стетоскоп», «Русская мысль» (Париж) и др.
6. Автор поэтических сборников «Другое дыхание» (СПб., 1994); «Помимо прочего» (М., 1996); «Стихи и песни Антона Компотова» (СПб., 2000); «Музыка разговора влюбленных глухонемых» (Париж, 2001); «Люди и звуки I», «Люди и звуки II», «Парижачьи стихи» (Париж, 2003).

ВАЛЕРИЙ МИШИН

1. 14 января 1939, Симферополь.
2. Окончил живописный ф-т ЛВХПУ им. Мухомин.
3. В 1965-70 посещал ЛИТО при газете «Смена», в 1968-70 – ЛИТО Т. Гнедич в г. Пушкине. Член СХ России.
4. Кредо: искать согласие с самим собой.
5. Печатался в газетах и журналах.
6. Книги: «ЧТО КТО». Экстремальная проза. Тема, СПб, 2000; «ГЕРМАН-ПЕЧАТНИК». Повесть и рассказы 60-х. Формика, СПб, 2001; «ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ...» Стихи. Плэнэр-Т, СПб, 2001; «ТАК». Сборник стих-творений. Лакруа, СПб, 2003; «СМОТРЕТЬ И СЛУШАТЬ». Стихи 1968-1976гг. Издательский дом Галина скрипсит, СПб, 2004; «МОНТЕНЬ». Рассказы. Деан, СПб, 2004.

ДМИТРИЙ ОБРЯДИН

1. 1977 год, живёт в Санкт-Петербурге.
2. Образование – среднее.
3. В творческие союзы пока не берёт.
4. Творческое кредо: циник и городской романтик.
5. 6. Публикация в АКТе – первая.

МИХАИЛ ОКУНЬ

1. Родился в 1951г. в Ленинграде.
3. Член Союза писателей Санкт-Петербурга.
5. Последние стихотворные публикации: «Урал» (Екатеринбург) №8 2003, «Звезда» (Санкт-Петербург) №11 2003, альманах «XXI век» (Германия) 2004.
6. Сборники стихов: «Обращение к дереву» (Л., 1988), «Негромкое тепло» (М., 1990), «Интернат» (СПб, 1993), «Ночной ларёк» (СПб, 1998), «Слова на ветер» (СПб, 2002), книга рассказов «Татуировка. Ананас» СПб, 1993)

ЮЛИАН РЫБАКОВ

1. 17 апреля 1942
2. Высшее техническое.
3. ЛИТО «Нарвская застава» (1968–78). Организатор литературного клуба «Новостребованная Россия» (с 1997).
4. Кредо: всегда.
5. «Альманах общества слепых», альманахи «Город-Текст» и «XXI век», журналы «Реальность и субъект», «Акт».
6. «Время на вырост» (1994), «Преломление слова» (2000), «Лето Господне» (2003).

ДМИТРИЙ СЕВЕРЮХИН

1. 13.02.1954.
2. Высшее.
3. Член Союза художников, председатель СПб. Общества поддержки художников.
6. Книги: Золотой век художественных объединений в России и СССР 1820 –1932, СПб.,совм. с О. Лейкиндром; Художники Русского Зарубежья 1917–1939: Биографический словарь. СПб., 1999, 2000 (совм. с О. Лейкиндром и К. Махровым); Вечер в Летнем саду: Эпизоды из истории «Второй культуры», СПб., 2000; Самиздат Ленинграда 1950-е – 1980-е: Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Северюхина, М., 2003; Митино счастье: Повесть. СПб., 2003.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

1. Родился 5 июня 1964 года в Москве.
2. Окончил в 1986 году факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и в 1986 году Женевский институт христианского образования.
3. Член Союза писателей Москвы.
4. Поэзия это то, что нельзя пересказать прозой.
5. Публиковался в журналах: «Дружба народов» (1989), «Сельская молодежь» (1990), «Студенческий меридиан» (1990), «Черновик» (2004), «Футурум АРТ» (2001, 2003); в альманахах: «День поэзии» (1989) «Поэзия» (1990); в газетах: «Московский комсомолец» (1987), «Вечерняя Москва» (1992), Семья (1990)
6. Автор книг стихов «Упала пила» (М., «Московский рабочий», 1991), «Здесь, там» (М., «Гуманитарный фонд», 1992), «Глаза – два фотоаппарата» (М., 2002), «Разные жанры жары» (М., 2004).

ЮРИЙ СУДАКОВ

1. 28 апреля 1944
2. среднее техническое: радиополитехникум
3. не состоял
4. ничего не сочинять, из головы не выдумывать, когда приходит само, то и получается.
5. 6. несостоявшиеся публикации в Авроре и Звезде, в АКТе №11 – единственная.

ДАРЬЯ СУХОВЕЙ

1. 1977 год, живёт в Санкт-Петербурге.
2. филологический факультет СПбГУ в 2000 году, диплом по языку современной поэзии.
3. Не входит. Ведёт сводный анонс городской литературной жизни СПблит Гид (<http://levin.rinet.ru/spb-guide/>)
4. Если публиковать только биографию, без текстов, то отвечать на этот вопрос нужно, в противном случае – на мой взгляд, не имеет смысла.
5. Стихи публиковались в альманахах «Вавилон», «Акт», «Литер[е]ЧЕ», в антологиях «Время Ч», «Десять измерений» и мн. др., книжная критика и литературная хроника - в журнале «Питерbook» (до 2003).
6. Стихи конца апреля (СПб, 1997), АВТОМ (СПб, 1997), Каталог случайных записей (М.-Тверь, 2001).

СЕРГЕЙ ФРОЛОНК

1. Родился в Риге 20 июля 1965.
2. Закончил филфак ЛГУ.
5. Публикации – переводы зарубежной прозы (с 1995). Работал в издательствах «Северо-Запад», «Центрполиграф», «Азбука».
6. Последняя книга (перевод с английского) вышла в издательстве «Амфора» в 2004 году.

ВИКТОР ШИРАЛИ

1. р. в Л-де в 1945 г.
3. Член Союза писателей России.
6. Сборники стихов: «Сад» (1979), «Любитель» (1989), «Сопровождение» (Кн. I, II) (1992), «Долгий плач...» (1999), «Флейтисточка» (2001); Сб. эссе «Всякая жизнь» (1999).